

Библиотечка
Журфака

Анна
ШИШЛЯННИКОВА

*Чтобы бесследно
не пропасть...*

Воронеж
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

Шишлянникова А. М.

Ш65 Чтобы бесследно не пропасть... – Воронеж : факультет журналистики ВГУ, 2017. – 142 с., илл.

В рассказах, очерках, байках, представленных в этой книжке, – порой смешных, а порой грустных – повествуется о простых людях Черноземного края, в чьих характерах так или иначе воплотился русский национальный дух, а в судьбах этих скромных героев отразилось время, в которое они жили.

Издание предназначено для массового читателя.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

@ Шишлянникова А. М., 2017.

@ Факультет журналистики ВГУ, 2017

содержание

От автора	5
Немного о себе	
Выходила за дверь по расчёту... ..	10
Родители	
Нарало	14
Чтобы бесследно не пропасти... ..	28
Детство	
Где-то есть город... ..	44
Совсемные поляны детства	53
Бабушка	
С бабушкой	60
Нас не обманешь!	66
Судяк	69
Плоды просвещения	79
Байки на ночь	82
Родня	
Сашка	88
Не парочно	98
Это мы и дома видаем!	108
Соседи	
Это коммуналная квартира... ..	114
Семейный фотосалон	125

От автора

Говорят, каждый человек может написать хотя бы одну книгу – о своей жизни. Вот и я собрала по крупицам эту маленькую книжку. Долго сомневалась, стоит ли выпускать ее. Моя мама, наблюдая за тем, как я на досуге сочиняю, спрашивала: «Вот ты пишешь, а кто все это будет читать?» Я отвечала, что делаю это для себя. Но потом, поразмыслив, решила: если найдется еще хотя бы один человек, которому это покажется интересным, значит, труд мой не напрасен.

Немного перефразировав одну из стихотворных строчек своего отца, я назвала книжечку «Чтобы бесследно не пропасть...» Почему такое заглавие? Навсегда уходят – а большинство из них уже ушли – мои старшие родные и близкие. И захотелось запечатлеть их образы, чтобы память об этих уникальных людях с их неповторимыми характерами и судьбами осталась не только в их земных делах, но и в моих нехитрых записках, жанр которых мне и самой трудно определить: порой это воспоминания, порой какие-то раздумья, порой несерьезные байки. А моя двоюродная сестра Раиса Минакова (кстати, журналист и писатель) просветила меня: «Сейчас это называется историко-художественное эссе». Ну не знаю... По-моему, слишком круто сказано. Но одно могу утверждать определенно: за правдивость, которая, может быть, граничит с документальностью, я ручаюсь. По большому счету здесь нет ни слова лжи. Есть небольшая доля домысла и вымысла (и то лишь в описании деталей) – для реконструкции событий, в которых я участия не принимала, а знаю лишь из рассказов близких.

Насчет историчности сестра, возможно, и права. Потому что в моем повествовании о конкретных людях отразилось то время, в котором они жили и которое уже стало историей. А насчет художественности – не мне судить. С настоящими писателями тягаться бессмысленно: мы в разных весовых категориях. Оправданием же для моего незрелого творчества пусть будут

слова А. П. Чехова: «Наличие больших собак не должно смущать маленьких собак, ибо каждая лает тем голосом, который у нее есть».

Хочу выразить искреннюю благодарность тем, без кого этого сборника не случилось бы. Моим первым читателям, критикам и вдохновителям – дочке Светлане Хоружей, коллеге и подруге Марии Яковлевне Запрягаевой, декану и другу Владимиру Васильевичу Тулупову. Отдельное спасибо Алексею Алексевичу Колосову, прочитав рассказы которого и люто позавидовав его литературному таланту, я сгоряча (на спор!) решила с ним посоревноваться. И вот вам результат...

*Светлой памяти моих родителей –
Михаила и Раисы Шишлянниковых –
посвящается*

*Немного
о себе*

Выходила замуж по расчету...

...После окончания школы я хотела пойти по стопам отца. Но тогда дневного отделения журналистики в университете еще не было (оно было открыто годом позже после моего поступления в ВГУ). К тому же и отец не очень приветствовал мое желание стать журналистом. Не женская это профессия – вот главный аргумент. Эх, папа, папа! Заглянул бы ты сейчас в наши аудитории. Увидеть там парня – редкое везение. Все перевернулось в этом мире...

«Пришлось» мне поступать на филологический факультет, о чем теперь нисколько не жалею. Учиться было интересно. А какие летние практики! Фольклорная, диалектологическая. Библиотечная – в Москве и Ленинграде. А за активную комсомольскую работу наградили трехнедельной поездкой в Чехословакию – по так называемому безвалютному обмену: чешские студенты приезжали во время летних каникул в наш университет, а наши отправлялись в ЧССР.

После университета занесло меня каким-то ветром в Воронежский русский народный хор – завлитчастью, или фольклористом. В этом же году вышла замуж за друга детства. Родилась дочка Светлана. А после декретного отпуска возвращаться в хор мне уже не захотелось: скучно там было. Коллектив постоянно на гастролях, только бухгалтеры да я сидим на месте, кукуем. Они деньги считают, а я документы и фотографии сортирую – для музея хора.

Надоело! Надоело заведовать тем, чего нет. Где это видано: должность завлитчастью хора есть, а самой литчасти нет. Директор смотрит косо: плохо, мол, заведуешь тем, чего нет. А я привыкла все делать хорошо (по крайней мере, стараюсь). «Объясните, – говорю, – чем и как надо заведовать». Но внятного ответа так и не получаю. Нет, хватит, надо бежать отсюда куда глаза глядят!

...Однажды случайно встречаю на улице Бориса Владимировича Кривенко (он тогда заведовал кафедрой журналистики на филфаке ВГУ) и рассказываю о своих переживаниях.

– Так иди к нам в университет: как раз вакансия образовалась. А что? Зиночка (профессор Зинаида Даниловна Попова) о тебе всегда хорошо отзывалась. Сама ты из журналистской семьи...

Честно говоря, не готова я была идти в преподаватели. Казалось, не мое это: и в науку не очень тянуло, и студентов побаивалась. А ну как невзлюбят, будут козни строить, каверзные вопросы задавать?! И получится, как в том анекдоте. Мать утром будит сына:

– Сынок, вставай! В школу пора.

– Не пойду! Надоела эта школа! Мальчишки опять будут кнопки на стул подкладывать, девчонки – дразниться, учителя – насмеяться. Не пойду!

– Надо, сынок, надо. Ты же все-таки директор.

Приблизительно так мне представлялась будущая преподавательская жизнь. Но скрепя сердце решила попробовать. И вот я, в то время двадцатичетырехлетняя девчонка, на родном филфаке. Сначала работала на кафедре журналистики, потом всех лингвистов передали на кафедру общего языкознания (но с учебной нагрузкой у журналистов).

...Вспоминается одно из первых занятий. В аудитории – иностранные студенты (я веду у них русский как иностранный). За последним столом сидит Зинаида Даниловна Попова: как заведующая кафедрой она посещает занятия преподавателей, особенно молодых (мало ли что они там нагородят!). Но нас она всегда успокаивает так: «Да я просто на студентов хочу посмотреть...» А вы мне, мол, совсем не интересны. Не знаю, как другие, а я все равно волнуюсь до умопомрачения (и это совсем не гипербола!). Вот я дрожащей рукой вывожу на доске тему «Склонение существительных», пишу названия падежей: именительный, родительный, дательный... Студенты внимательно слушают, записывают, повторяют за мной падежные формы, составляют предложения.

После занятия – «разбор полетов». Что-то скажет Зинаида Даниловна? А она, улыбаясь добрейшей в мире улыбкой, говорит буквально следующее:

– Все хорошо, Анечка, только одно замечание: Вы, когда на доске писали падежную парадигму, пропустили винительный падеж. Да так все занятие и склоняли существительные без винительного падежа. А в остальном все замечательно.

...Сейчас, много лет спустя, когда уже сама, будучи завкафедрой стилистики и литературного редактирования, вижу, что молодые преподаватели чего-то не знают, чего-то не умеют, я всегда вспоминаю свой «винительный падеж». Ничего, и эти научатся. Москва не сразу строилась...

Как ни странно, после того случая Зинаида Даниловна меня с работы не выгнала, а даже наоборот – взяла в аспирантуру. Было страшновато: напишу диссер – не напишу? Но сведущие люди посмеивались: кого Попова взяла под свое крыло, тот обречен на успешную защиту. Так оно в итоге и вышло. Зинаида Даниловна Попова дала мне путевку в жизнь, дала лучшую в мире профессию – учить лучшему в мире языку.

Замечательно все-таки, что я решилась когда-то (сорок с лишним лет назад!) прийти в университет. И спасибо, что добрые люди меня здесь приняли. А то до сих пор сидела бы в хоре, заведовала тем, чего нет...

Родители

Нара.10

Окончательным сиротой мой папа стал, когда ему только-только исполнилось девятнадцать. Отец его Яков Михайлович не вернулся с войны – похоронка пришла в сорок третьем. А мать после этого шибко затосковала. Напала на нее какая-то хворь (может, из-за этой тоски-кручины?), и моя бабушка Анна Степановна в возрасте сорока с небольшим лет как-то неожиданно и непростительно рано зачахла. Анютка, как ее все звали, была, по воспоминаниям окружающих, тихой, застенчивой, мягкой и необыкновенно доброй женщиной. С тонкого иконописного лица на единственном уцелевшем портрете смотрят на нас сквозь годы ее кроткие и тревожные, как у рафаэлевской Мадонны, глаза, словно вопрошающие: «Как вам тут живется без меня? Трудно, поди?»

...Похоронив мать и выждав положенный траур, Михаил собрался жениться: нужна была хозяйка в дом. Позарез. Ведь на руках у него остались пятнадцатилетний брат Алексей и девятилетняя сестра Дина. Были, конечно, родственники, которые могли бы взять к себе сирот, но Михаил, наверное, хотел сохранить свое гнездо, семью.

И вот он объявил о намерении привести в дом жену, помощницу. Благо, невеста была – Рая Воронина. И ни для кого это не было секретом: ведь дружили они ни много ни мало шесть лет. Встречались-провожились...Правда, ходили на «комсомольском расстоянии» друг от друга. Взяться за руки – ни боже мой! А уж о поцелуях вообще грех было подумать. Все время под прицелом десятков глаз, причем не всегда доброжелательных. Почему же так долго не женились? Имелась на то веская причина: отец был моложе матери на четыре года.

...Их первую встречу вряд ли назовешь романтической. Однажды в дом на краю поселка, возле самого погоста, заглянула девчонка. Невысокая, ладненькая, с русой косой до пояса. Ни

дать ни взять Аленушка из русской сказки. Простое милое лицо с живыми серыми глазами и ярким румянцем на щеках. Румянец этот, надо сказать, был предметом неизменной зависти подруг (причем чуть ли не до самой старости). Ох и доставалось же из-за этого бедной Райске! С детства.

– Воронина, чего это ты нарумянилась? Чай, не на гулянку явилась, а в школу, – выговаривали учителя. – Ну-ка иди умойся.

– Рай, а тебе холодно или жарко? Чего ты такая румяная? – допытывались подруги. Еще и рукой потрогают: какова, мол, температура тела? Перед учителями приходилось оправдываться, а от слишком дотошных подружек – отбиваться рукопашную. А однажды одна змеюка не удержалась и в припадке зависти и злобы даже попробовала эти щечки-яблочки на зуб – вгрызлась так, аж сок брызнул. Хорошо, хоть все зажило и следов от укуса не осталось.

...Так вот, зашла Райка в дом, встала на пороге. В комнате – только подросток лет тринадцати. Среднего росточка, вихрастый, остроглазый. Ничего парнишка, симпатичный. Да еще в красной рубахе. Это вам не фунт изюма! Сразу видно – семья небедная.

– Тебе чего? – не слишком приветливо осведомился мальчишка.

– Передай своему дедушке, пусть отдаст нам дубок. Он у нашего папани занимал.

– Все?

– Все...

Вот такой состоялся разговор – весьма прозаический, надо сказать. Производственного характера разговор. Дубок (бревно то есть), дедушка, кстати, почему-то так и не вернул. Наверно, не сумел разжиться: лесов-то вокруг отродясь не было, одна Степь Каменная. За строительным материалом мужики специально ездили куда-то в соседние районы, а то и области. Или внучок забыл деду передать просьбу Райкиного папани? Ну да бог с ним, с дубком. Зато встреча сельских Ромео и Джульетты оказалась судьбоносной.

«Моей будет!» – подумал парень. Да, собственно, какой там парень! Пацан. Да, может, и не так вовсе подумал. А может, и не в этот момент, а позже. Кто теперь с точностью установит, когда пришло ему в голову такое решение. Однако свое намерение он взялся настойчиво претворять в жизнь, несмотря на сопротивление объекта.

– Да отвяжись же ты от меня! Найди себе ровесницу или еще моложе кого, а за мной не бегай. Мал еще!

– Ну так что? Вырасту...

– Ой, да кто тебя ждать-то будет! Пока ты вырастешь, я состарюсь!

– Будешь, куда денешься! А это видала? – показал из кармана нож-финку. – Увижу с кем – убью!

Во как! Интересно, что там за финка была? Может, и не всамделишная, а деревянная какая-нибудь. Мальчишки для своих игр в «войну» вытачивали такие. Да скорее всего. Откуда взяться настоящей-то? Так или иначе, до криминала, слава богу, не дошло. Но ведь отвадил упрямый пацан от своей избранницы всех ухажеров. Правда, справедливости ради надо сказать, что и сама она, хоть и держала фасон, хорохорилась, а втихомолку-то сохла по нем, ой как сохла... Любила мальчишку. Как выразился позже и совсем по другому поводу один сатирик, «не сильно так – до беспамятства» любила. И ждала-таки, пока он вырастет. У подруг уже и дети в школу пошли, а она все в девках сидит. От женихов отбоя нету, а она все ждет, когда мил друг повзрослеет...

...Был обычный будний день. Райка собиралась идти в Озерки – на занятия в техникум, где училась на агронома. Складывала в сумку учебники, тетрадки, немудреный завтрак. Как говорится, ничто не предвещало. Вдруг на пороге нарисовался Костя – симпатичный чернявый односельчанин в сопровождении своей мамы. Чего это им понадобилось с утра пораньше? Слово за слово – и стала обозначаться цель столь раннего визита. Вот и произнесены, как сейчас сказали бы, «ключевые

слова»: «У вас товар – у нас купец...» Девушка в ужасе: во-первых, Костя до этого не предпринимал никаких ухаживаний, и ни малейших признаков любви с его стороны не наблюдалось. Во-вторых, у нее же был жених, встречались уже года три. И сваты не могли не знать этого. Но для них эти аргументы, как видно, были недостаточными. Мамаша жениха продолжала натиск. Ну и где же Мишка со своей финкой? Райка чуть ли не в рев:

– Некогда мне! В техникум пора! Мама! Ну скажи ты им!

– Успокойся, дитенок, никто тебе силком не отдасть!

Прямо как в той песне – «Дитятко милое, я тебя не выдам». Но наша мать, в отличие от фольклорной, слава богу, была на стороне дочери, прятавшейся за ее спину. Сваты стусевались и засобирались домой не солоно хлебавши. А в хате во время этого драматического действия неожиданно появился еще один персонаж – тетка Феня, родная тетька нашей невесты. Воспользовавшись паузой и замешательством в стане «купцов» и «продавцов», стала нашептывать матери с дочерью:

– Да вы чё?! Таковую-то красавицу – кровь с молоком – да за этого чахоточного! За этого дохлого! Да чё им делать-то, женихом-то энтим! Иди, детка, иди, не слухай никого, не поддавайся!

И стала теснить Райку к выходу. Да и мать тоже благословила дочку на побег:

– Иди, детка, иди! А то опоздаешь на учебу...

Ну девка схватила свою сумчонку – и деру. Рада без памяти! А вечером по поселку пронеслась весть: за Костю просватали Любку, дочку той самой тетки Фени, которая приходила спасать племянницу от «чахоточного». Обычное в деревне дело – «грязные политехнологии». Да и кто, скажите, осудит мать, у которой десять девок в семье и две-три из них – на выданье? Тут уж не до щепетильности, любые средства хороши.

А к Райке парни липли. Ходили за ней табунами. Она вечером с «улицы» домой – и все за ней, клуб пустеет. Только она и близко к себе никого не подпускала. Ох как это кое-кого бесило! И что эта цаца так нос-то задирает? Тоже принцесса выискалась! И не таких обламывали.

...Как-то в поле, во время перерыва на обед один из таких «недовольных» – верзила по прозвищу Тягач – подкрался сзади и давай хватать девку за «езде». Стиснул грудь своими лапщами что есть силы – Райка аж вскрикнула от боли. Повернулась – в одной руке ломоть хлеба, в другой – бутылка с молоком. Зыркнула на ухмыляющегося хама – как приговорила. Ну ты, парень, сам напросился! И не долго думая, хрясь ему бутылкой в челюсть! Одного зуба (к счастью для его владельца – не переднего, а бокового) как не бывало. Ой, батюшки, что тут началось! Тягач взревел, как взбесившийся бык, укушенный оводом. Не передать в печатных выражениях тот поток слов, который хлынул из его окровавленного рта. Покалеченный малый кинулся было драться:

– Убью!

Но парни и девчата его оттащили. Да и Райка все еще стояла с бутылкой наперевес.

– Ты что, ненормальная?! – орал Тягач, в шоке не столько от боли, сколько от неожиданности. Это ж надо, от кого пришлось здоровенному мужику терпеть такое унижение! От девчонки!

– А ты руки не распускай!

– Подумаешь, какая недотрога!

– Вот и подумаешь! Другой раз не сунешься, если не хочешь без зубов остаться!

Так что и тут обошлось без Мишкиной финки: справилась Райка сама подручными средствами. Да, не перевелись еще женщины в русских селеньях!

Приходит она вечером с поля домой, а мать на нее с подзатыльником:

– Да чё ж ты думаешь! Да чё ж ты делаешь! Весь поселок гудит: Райка Тягачу зуб выбила! Да тебе ж, заразу, так и замуж не возьмут!

Райка только шмыгает носом и слабо обороняется:

– Пусть не лезет! И другим nepовадно будет. А замуж – возьму-у-ут! Кому надо.

Ведь и правда, взяли!

...Райке сравнялось двадцать три, ее жениху – девятнадцать. В хате собралась на совет ближайшая Мишкина родня – прежде всего, тетки – Анюткины сестры. Причина-то серьезная. Это дело никак нельзя пускать на самотек.

– И к кому же засылать сватов? – грозным басом осведомилась тетка Машка – мужиковатая грузная старуха. Носатая, с густыми широкими бровями, из-под которых, как две шавки из-под кустов, выглядывали черненькие буравчатые глазки. Если бы не усы – ни дать ни взять переодетый «дорогой Леонид Ильич» в его преклонные годы. Что, у Брежнева не было усов? Ну да, правильно, зато у тетки Машки они были. В этом и все отличие.

Михаил вскинулся:

– А вы что, не знаете, кто у меня невеста?! Воронина Раиска. Ведь сколько лет дружим!

– И-и-и! Мишка, Мишка-а-а! Чё ж ты надумал, глупа-а-й! Такую оторву брат! Да ить боевей ее в поселке нету! Эт же бандитка, истинная бандитка! Да и перестарок к тому же, на сколь годов старе тебе! – начала увещевать Михаила тетка Машка. Но почувствовав немое сопротивление племянника, возвысила голос и вынесла суровый приговор:

– И не мысли даже, и не мечтай! Вот и весь мой сказ!

Ну насчет бандитки это тетка чуток переборщила. Что боевая Райка – это есть, правда. Постоять за себя может. За словом в карман не лезет. Петь-плясать на свадьбах, на «улице» – первая. На работе тоже не всяк за ней поспеет. А в бандитизме вроде не замечена. Так, разве только в мелком хулиганстве: с подружками ночью чью-нибудь корову перекрасят в другой цвет. Или побелят окошки. Хозяева утром выглянут, всполошатся:

– Ой, корову-то нашу подменили! Анчихристы, да и хто ж это сделал? Какая корова была, скока молока давала! А какая смирная да добрая! Не корова – золото!

– Батюшки, гляньте, все окна в инее! Никак мороз среди лета?! Небось, всю картошку на огороде побил!

А девчонкам смешно! Развлечений-то в деревне не густо. Так хоть над соседями подшутить. Да иной раз и не только над соседями, но и над своими же кровными родителями: самое активное участие в действиях обычно принимала дочь хозяев. Ну и что тут такого? Вреда иль убытка от этого ведь чуть. И корову, и окна сами же хулиганки потом отмывали до первозданной чистоты.

... Тем временем совет в хате у Мишки продолжается.

– Бери Михайлову племянницу, – идет в наступление тетка Машка. – Чем не пара тебе? Сонька девка хорошая, справная. А богатишшая! Сто пудов зерна и телку за ней дают. Не чета твоей голодранке.

Надо пояснить, что Михайло – это муж тетки Машки, за его племянницу и хлопочет сердобольная тетушка. Жалко будет, если Мишка, такой завидный жених – серьезный, работающий, умный (учится в самом Воронеже!), к тому же красавчик – уйдет в чужие руки.

Мишка молчит, глаза в пол. Тетки, рассевишиеся в хате, как галки на навозной куче, начинают галдеть, перебивая друг друга, под стать этим отнюдь не сладкоголосым птичкам:

– Машку! Дашку! Глашку бери! – каждая выкрикивает имя своей кандидатки. Тетка Машка на правах спикера этого фамильного парламента, подводит итог прениям (хоть таких слов тогда в деревне не знали, но суть-то та же):

– Одумайся, Мишка! На ком хошь женись, тока не на этой бандитке! По колени в кровь встану, а не пушшу ее в дом! Не бывать этому!

– Не бывать! Не бывать! – подхватывает визгливый хор оголтелых тетушек.

Осатанели они, эти кликуши, что ли? Тут жених, ни словечка не проронив, «оставил ненужные споры», и подай бог ноги, подальше от этой родни!

Однако тетки все-таки не теряли надежды окрутить Мишку, продолжали расставлять на него свои паучьи сети. Как-то, воспользовавшись удобным случаем, оставили Мишку наедине с той самой Сонькой. Сами шмыг из хаты, а дверь снаружи вилами подперли. Чтоб, значит, парень с девкой пригляделись друг к дружке, погутарили. Глядишь, дело-то и сладится. Существовала даже такая практика в деревне: парня напоят до потери чувств, уложат на кровать рядом с девкой. Он утром просыпается, а тут родители с благословением: живите, мол, дружно и счастливо. И некуда бедолаге деваться. Было там что ночью – не было, это недоказуемо. Ославил девку – женись.

Но с Мишкой такой номер вряд ли бы прошел. Не телок, чтоб на веревочке его водить. Парень независимый, своенравный. И непьющий. Поэтому интриганки и выбрали меру помягче.

...Сонька сидит на кровати, не шелохнувшись, как аршин проглотила. Вся в трепетном ожидании. Мишка посмотрел-посмотрел на нее с недоумением, с жалостью даже: ишь как девке замуж невтерпез! За чужого-то жениха. Вдохнул, подошел к окошку. Оглянулся кругом – нет подходящего инструмента. Ну что ж, придется вручную. Поднатужился да и высадил оконную раму. И был таков. Вот тетки, наверно, скрипели зубами-то!

Таким он и был всю жизнь: молчун молчуном, однако линию свою гнул до победного конца.

...Сватал «бандитку» Мишка один, без родственников «со стороны жениха». Какое уж там! А группу поддержки ему составили закадычный дружок Сашка (он же брат невесты) да свояк невесты (муж Раиной сестры Лили) Данил. Вот так, по-свойски, оно и лучше. И не важно, кто кому сват, а кто брат. Главное – никто никому не враг.

Невеста, даром что шесть лет ждала этого дня, от смущения и страха перед неизвестностью замужней жизни закрылась в дальней комнате с сестрой Лилей и целый день оттуда глаз не казала. Да, не типичное для «бандитки» поведение... Явно лукавили старухи, давая такое прозвище. И как стало теперь ясно,

из корыстных побуждений лукавили, а точнее сказать – клеветали. Да и вообще, если разобраться, еще неизвестно, кто тут бандит – невеста или жених? Финку-то кто из кармана показывал? То-то... Так что цыц, тетки! Не вмешивайтесь в таинство свершения брака.

Итак, невеста за запертыми дверями отсиживалась в дальней комнате, а трое друзей – Мишка, Сашка и Данилка – обосновались в передней. Вели осаду, значит. Ну и разговоры разные тоже вели тем временем. Поняв, что дело затягивается, наши ребята решили скрасить ожидание и пошли искать у тещи-матери по углам, чем горло промочить (самой хозяйки в этот ответственный момент почему-то дома не было). Так... На полке нет, за сундуком тоже, на печи не видать. Может, на потолке? Полезли на чердак. Ага, вот она, заветная поллитровочка-то, под соломой спрятана, родимая. Цвет у самогонки буровато-рыжеватый. Видно, настойка какая-то. Ух, ядреная! Но ничего, проскочила. Тут вскорости и хозяйка явилась. Подошла к столу, взяла бутылку, понюхала. Спросила, в недобром предчувствии округлив глаза:

– Иде взяли?!

– Да на потолке, мать. Прости, что без спроса. Хорошая!

– Ах вы бродяги-и-и! Да есть у вас совесть-то во лбу?! Эт же моя растирка для ног! От ревматизму!

Слава богу, растирка не содержала ядовитых трав, и все остались не только живы, но даже веселы и довольны. К вечеру невесту все-таки выманили из дальней комнаты и заручились ее согласием на брак. Тут уже пошло настоящее сватовство, или запой. Появился из бабуниных заначек и чистый первач, и какая-никакая закуска. А на другой день начались приготовления к свадьбе.

...Жить молодые стали в родительском доме, возле кладбища. Михаил работал в Таловой – в редакции районной газеты – и учился заочно в университете, на историко-филологическом факультете. Раиса была на хозяйстве: готовила, убирала, ра-

ботала в огороде, обстирывала и молодого мужа, и его брата с сестрой. А тут в положенный срок, пока отец-студент был на летней сессии (солдат спит, а служба идет!), в хате стало одним жильцом больше. Случилось это в одну из «воробьиных ночей» в конце июня.

Увидев, что невестка под вечер, не находя себе места, как-то подозрительно мечется по хате, Динка-золовка позвала на всякий случай соседку бабу Катюху, а сама побежала на другой конец поселка – кликнула Райкину мать, мою будущую бабуню.

Бабка Катюха прочно обосновалась на сундуке и, смачно лузгая семечки, начала с живым интересом следить за разворачивающимся действием. Бабуне же было не до семечек, она что-то предпринимала, стараясь помочь дочери. Схватки тем временем становились все сильнее, стоны все протяжнее и громче. Такая вот вырисовывалась картина: роженица уже кричит благим матом, бабуня молится: «Свят, свят, свят...» Одной бабке Катюхе все нипочем – весь пол уже шелухой заплевала. Сидит, как вкопанная, комментирует происходящее. И уходить явно не собирается: не каждый день ведь случается такое представление.

– Мама, да уведи ты ее куда-нибудь ради бога! – стонет роженица.

– Да куды ж я ее уведу?

И то правда! «Куды ж»? Как будто нет у этой бестолочи своей хаты – через двор.

Когда же глубокой ночью обстановка накалилась до предела, а крики страдальцы стали невыносимы для старушек, те подхватились и выскочили вон из хаты. Обе-две. Соседка наконец-то потрусилась домой восвояси, а бабуня, поняв, что процесс приближается к критической точке, рысью припустила за подмогой – за повитухой теткой Матреной.

– Райка, да чё ж ты так кричишь-то, аж у конюшни слышать! – попеняла та роженице, едва переступив порог.

Тут Райке надо бы ответить: «Да для своего удовольствия кричу, тетка Матрена! Голос развиваю!» Только ей было в тот момент не до препирательств.

Но спасибо повитухе: она, хоть и задавала неуместные вопросы, но была мастерицей своего дела и поспособствовала появлению младенца на свет. Вскоре все благополучно разрешилось под трескучие раскаты грома и шум проливного дождя.

Бабуня позже вспоминала:

– В ту ночь, когда ты родилась, такой хороший дождик прошел, теплый! Давно ждали его... А утром – опять вёдро. Иду я от вас домой-то босая, по мокрой траве... Солнушко сияя – и на душе такая благодать...

– Бабунь, а мама мне говорила, что тогда была жуткая гроза...

– Да не, не-е-е... Эт ей со страху помстилося.

Ну да, «помстилося», когда в логу колхозных коров водой унесло! Ничего себе «дождик»! Это, видно, ты, бабуня, со страху не заметила, что на дворе творится. А утром-то что ж, конечно, снова благодать...

...После моего рождения забот у родителей, знамо дело, прибавилось. Ладно бы только своя семья была. А то еще «сироты». Девчонка-то, Динка, та ничего. Как могла помогала невестке по хозяйству. Да и с племянницей нянчилась иногда. В деревне оно так: ребенок лежит в люльке, а кто свободен – тот его и покачает, поагукает с ним. А если всем некогда, то и это ничего, пускай себе дите кричит – легкие разрабатывает.

Так вот, сестра-то Динка – это еще милость, больших хлопот не доставляла. Зато братец! Что же это было за наказание! Откуда, почему, как мог он появиться в этой семье – у смирных, степенных, любящих и друг друга, и детей родителей? И как могли вырасти у них два таких ни в чем не похожих друг на друга сына? Пить, курить и говорить, как герой Аркадия Райкина, Лешка начал одновременно. В общем, помотал нервы своим близким, в том числе и моей матери с отцом.

Родня же, как с самого начала не приняла Райку, так никогда и не простила ей, что Мишка женился против воли родственников. Да и присох к жене навек, ни на кого за всю жизнь больше не глянул.

...Тетки время от времени наведывались к молодым в дом – нет, не помочь, а с ревизией, так ли невестка ведет хозяйство. Заглянут в чугуны, понюхают, поглядят, что там варится.

– Райка, ты кашу-то солила? Небошь, не солила! Да ее видно, что она несоленая!

Всю жизнь мать ломала голову, как тетка на глаз могла определить, сколько соли в каше. Какими такими особыми, прямо экстрасенсорными способностями была она наделена?

А то еще придут родственницы, начнут проверять, сколько там в запасах осталось сала или мяса соленого: не съела ли постылая сноха все сама, не отняла ли у «сирот». А какое там мясо! Первый год вообще мутило молодуху от всего и постоянно – уже «тяжелая» была. Спасалась только сухариками, которые нашла в мешочке на печи: еще покойная свекровь засушила.

...Порой чудилось, что Анна Степановна, Анютка, незримо присутствует в доме. Однажды на рассвете, когда сон так глубок и сладок, Райку разбудил стук в окошко. И голос – мягкий, но настойчивый:

– Дочка, дочка, вставай! Коров гонют! Вставай, а то не успеешь!

Райка вскочила, выглянула в окно – и правда, по улице пастих гнал стадо за село – на пастбище. А за деревьями в палисаднике мелькнул белый платок...Или померещилось?

Иной раз ночью ей, полусонной, привычно качавшей люльку, слышалось сквозь дрему тихое:

– Ложись, дочка, поспи. Я покачаю.

Казалось, Анютка, как могла, старалась своим крылом заслонить молодых от беды. Да не удалось – не сдюжила одна против темной силы.

...Однажды зимой тетки, собравшись вместе и заручившись поддержкой своих пьяных мужей, двинулись на край поселка, в дом возле погоста. От холодной войны против моих родителей они перешли к открытой интервенции. И, вломившись в дом, с матюками и угрозами, под отчаянный Динкин рев выбросили молодых хозяев с их жалкими пожитками на улицу. И в прямом, и в переносном смысле.

– Почему?! За что?! – допытывалась я у матери, уже будучи взрослой.

– Боялись, что мы отнимем избу у «сирот», лишим их родительского наследства.

– Но ведь и мой отец был таким же точно сиротой! Разве он не имел такого же точно права жить в этом доме?

– Не знаю. Выгнали – и все тут.

– А кто же там стал жить после этого? – спрашиваю я маму.

– Да никто. Кур да гусей держали в сарае и в избе...

– Но почему же вы подчинились этим нелюдям, почему не боролись?

– Ну а как бороться-то? Мы молодые были, заступиться за нас было некому. Да и потом – ты же знаешь своего отца...

Да, уж это точно. Своего отца я знаю. Бороться-то он мог. Только ради других. Его друзья и сослуживцы (кто еще жив) не дадут соврать. А вот себя защищать он совершенно не умел. Или, скорее, не хотел. Опустив глаза, молча уходил в сторону. И всю жизнь так. Когда его обижали, чаще всего незаслуженно, – замыкался, перетирая, перемалывая неприятности внутри себя. В конце концов эти жернова смололи и его самого. По молодости мне казалось, что это «непротивление злу насилем» – проявление некой слабости. Но сейчас, по прошествии многих лет, думается, что в его молчании, в этом христианском терпении и всепрощении (хотя крещеным он не был), напротив, крылась особая нравственная сила. Ведь иной раз и была у отца возможность посчитаться с обидчиками, но он этого не делал. Никогда.

...Однажды после предательства со стороны близкого мне человека, в минуту отчаяния у меня вырвалось:

– Я ему отомщу! Я ему устрою!

– Зачем?! – отца даже как-то передернуло от этих моих слов.

– Пусть знает!

– Не связывайся! Будь выше этого. Жизнь все расставит по своим местам...

Наверно, это так. Наверно, это правильно. Хочется верить, что и жизнь всегда все расставляет по своим местам, и бог правду видит. Да вот только не скоро скажет... А насчет человека, которому я собиралась мстить (теперь и самой интересно – как?), отец в итоге оказался прав. Жизнь наказала того и без моего участия. Правда, мне это теперь уже безразлично, даже немного жаль его: слабое и никчемное создание...

...Но вернемся к тому моменту, когда, отринутые родственниками и лишённые крова, мои мама и папа – с грудным младенцем на руках – побрели по снегу и морозу на другой конец поселка – к бабуне. И были с причитаниями и слезами приняты в ее широкие объятия, в которых, как и в ее избе, находилось место всем: дочкам, сыновьям, снохам, зятьям, внукам, а то и совсем чужим людям... А «сирот» взяла к себе тетка Машка. Да только Динка, не выдержав теткинго гнета и соскучившись по семье старшего брата, сбежала оттуда к нам. И тоже нашла приют в бабуниной хате.

Так и жили мы все вместе – кто внизу, кто на печи, кто на полатах, – пока мои родители (и я, конечно, с ними) не переехали в Таловую: отцу выделили в редакции комнатенку квадратов в шесть-семь. Потом ему придется работать редактором в разных «районках» (куда его бросали «на прорыв», на укрепление), и в областной газете, и на телевидении. И квартиры у нас будут побольше и получше. А пока наша семейка заселялась на свою первую отдельную жилплощадь. Начиналась новая, самостоятельная жизнь, где «чужой родне» места не было. И никогда больше не будет. Это ли не счастье?..

Чтобы бесследно не пропасть...

Маленький поселок с гордым названием Высокий, где в 1930 году родился мой отец, находился не так уж далеко от областного центра – всего-то в каких-нибудь трех часах езды на машине. Но по уровню развития этот населенный пункт мог, наверно, поспорить с заполярной тундрой. Из культурных заведений была только школа-семилетка, клуб, напоминающий конюшню, да ларек, где можно было разжиться разве что спичками, солью, конфетами-подушечками, из которых местные умельцы варили самогон, и еще какой-никакой мелочью. За остальным надо было ехать в районный центр Таловую или в Воронеж. А впрочем, сильно ли другие деревни отличались от Высокого? Скорее всего, в те времена это было нормой.

Что касается поселковой школы, то в нее порой присылали из центра таких аховых педагогов, что местные жители понимали: ждать хорошего от подобных наставников нечего. Вот, например, одна такая учительница, не утруждая уроками ни себя, ни подопечных, давала какое-нибудь самостоятельное задание, а сама отправлялась заниматься домашними делами. Ребятишки, не отличавшиеся высокой сознательностью, конечно, были этому несказанно рады. Предоставленные сами себе, они убегали из школы и резвились в меру своей изобретательности: кто играл в лапту, кто стрелял из рогатки по воробьям, кто катался верхом на телятах на выгоне. И так изо дня в день... Вот такое воспитание получали сельские дети. Куда только смотрело районо?! Но – благодарение богу! – были все-таки в школе и нормальные учителя. И мой отец освоил азы грамоты в поселке, затем продолжил учебу в Каменностепной средней школе, а дальше – и в Воронежском университете.

Был он малый въедливый, упорный и к цели своей шел, вопреки всем преградам. «Вострый мальчик», как говаривала моя бабуня по матери – папина теща, стало быть. Откуда в парне

из забытой богом деревни, из простой крестьянской семьи взялась эта небывалая тяга к знаниям, к образованию? Непонятно. С малолетства помогал родителям и в поле, и в домашнем хозяйстве. Во время войны, будучи еще подростком, работал в колхозе, как и другие его сверстники, наравне со взрослыми женщинами. Отцы и старшие братья ушли на фронт. Вот и приходилось пацанам взваливать на себя порой непосильную ношу. Папа мой, например, как заправский мужик, пахал землю на быках. Почему на быках? Лошадей-то не было: наверно, тоже отправили на фронт. Позже отец писал о том времени:

Мое поколение осталось без детства.
Нам били не ветры, а бури в лицо.
Моим одноклассникам достались в наследство
Лишь добрые руки да хватка отцов.

Немало зарубок, зазубрин и вмятин
Оставило время на стыках годов,
Нам издавна дорог, знаком и понятен
Пшеничного поля волнующий зов...

Мое поколение вступило до срока
В смертельную схватку с жестокой нуждой.
И школа, и нива давали уроки,
Где мы постигали, кто свой, кто чужой...

Вот тоже и это – откуда? Стихи. Откуда и как они появлялись у мальчишки, возраставшего, можно сказать, на навозе, в глухом степном поселке? Видно, слава Есенина не давала покоя... По крайней мере, сходство очевидно:

Белеют звездами кувшинки,
И плес похож на Млечный путь.
Легко качают камышинки
Стрекоз, присевших отдохнуть.

В сосновой роще невысокой
Наперебой галдят грачи.
И правит волнами осока
Свои зеленые мечи.

Штурмует шмель речные кручи,
Кричит кукушка дотемна.
И это все – мой край певучий,
Моя родная сторона.

И как же глух, как слеп и жалок,
Кого не трогают до слез
И нежность девичья фиалок,
И незакатный свет берез.

Благодарю тебя, Россия,
За счастье видеть этот свет.
Быть может, есть места красивей,
Но ненаглядней места нет.

***

Рябин рубиновые кисти
Взрывают небо, как салют.
На золотые слитки листьев
Меняет лето изумруд.

И лес прикрылся шкурой лисьей,
И поле выцвело вдали,
И первый клин в лазурной выси
Уже рисуют журавли.

Еще полна тепла и света
Земля родная – мой приют.
Такую пору бабьим летом
Недаром издавна зовут.

Такие дни – воспоминанье
Самой природы о былом.
Березки птицам на прощанье
Ветвями машут за селом...

***

Раскаленный за день воздух
Пахнет пылью перегретой.
Разбрелись по небу звезды,
Как росинки тихим летом.

По стремнине белопенной,
По широким тихим плесам
Месяц плавает степенно,
Серебром стекая с весел.

За рекою, за болотом.
Над стерней взлетая колкой,
В тишине зовет кого-то
Молодая перепелка.

Получив короткий роздых,
Спят поля под кровом лета.
Раскаленный за день воздух
Пахнет пылью перегретой.

Забегая вперед, скажу, что многие сочинения отца, в которых критики отмечали мягкий, задушевный лиризм, простоту формы, музыкальность, были положены на музыку композиторами К. Массалитиновым, А. Флярковским и другими. Эти песни исполнялись Воронежским русским народным хором, Государственным хором им. Пятницкого, ансамблями «Воронежские девчата», «Лада», многими коллективами художественной самодеятельности. Они звучали в Кремлевском дворце съездов, по Всесоюзному радио и Центральному телевидению. Немало песен публиковалось в местных и столичных музыкальных сборниках и журналах, записывалось на пластинки.

Мой отец – автор пяти поэтических сборников. Стихи отца, конечно, по большому счету, не гениальны. Они незатейливы и непритязательны, как незатейливы народные песни и частушки, которыми было наполнено детство, отрочество, юность отца. В родном поселке почти все пели – и в будни, и в праздники. И вот вам еще один феномен, еще один вопрос. Откуда у малообразованных людей, как говорится, «от сохи» – абсолютный музыкальный слух, а зачастую и настоящий певческий голос? Кстати сказать, когда моя мама (уже в Воронеже) на свадьбе Наташи Массалитиновой запела, то один из гостей – чуть ли не профессор консерватории, изумленный, спросил, где и у кого она училась вокалу. Да нигде – может, только у матери, у старших сестер и подруг в родном поселке. Вот и отец мой впитал эту народную песенную стихию и, как мог, отразил в своей поэзии. У его стихов есть свой читатель. И те сборники, которые выходили в Воронеже, моментально сметались с прилавков книжных магазинов.

...Но вернемся к далеким сороковым годам прошлого века. Еще когда папа учился в школе, ему (наверное, как наиболее просвещенному, «продвинутому») доверили заведовать клубом. А это вам не хухры-мухры! Это какая ни есть, а все-таки сельская интеллигенция. Тут-то и стал парень проявлять организаторские способности. Ведь нужно было и кино хорошее в поселок привезти, и концерты к праздникам подготовить, и на «улице» – то есть на танцах – обеспечивать порядок.

В 1948 году отец окончил Каменностепную среднюю школу: в родном-то поселке была только семилетка, поэтому в старших классах пришлось ходить пешком за несколько километров в соседнее село. В том же году поступил на заочное отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. Способного сельского паренька заметили уже тогда. Многотиражная газета «Воронежский университет» писала в те дни: «Отличные знания показал на вступительных экзаменах выпускник Каменностепной средней школы Михаил Шишлянников». Скажите, многие ли абитуриенты удостоились такой чести – быть отмеченными в газете? То-то.

Учился папа в университете нельзя сказать чтобы отлично, но неплохо. А это было ой как нелегко. Отец в те годы уже работал в Таловой – ответственным секретарем районной газеты «Таловский колхозник». Позже он писал: «Нынешние заочники вряд ли представляют себе все сложности учебы в то время. Ведь никаких дополнительных отпусков на сессии заочникам не предоставлялось. Выезжать в Воронеж приходилось или за счет очередного товарищеского отпуска, или за счет отпуска без сохранения содержания. Так что за все шесть лет учебы я не помню ни одного отпуска в обычном понимании этого слова. Кроме того, за учебу надо было еще платить определенную сумму. Если учесть, что оклад у журналиста районной газеты весьма невелик, то станет понятно, как трудно было выкраивать пусть даже небольшую сумму на учебу...» («Рожденный революцией». – Воронеж: Изд-во Воронежского университета).

А я дополню папины воспоминания фактами, которые мне известны из его же рассказов. О крайней бедности, в которой тогда жила семья отца, свидетельствуют, например, такие детали. Надо было ехать на сессию, а единственные пригодные для этого башмаки развалились! Пришлось кое-как стянуть их проволокой, чтобы подошва не отставала. А дырку на штанах (надо же, как назло эти ношенные-переношенные портки и вовсе протерлись во время сессии!) сообразительный студент, заходя в аудиторию, прикрывал зачеткой.

«Хочу вспомнить добрым словом наших преподавателей – продолжает отец свои воспоминания. – Все они без исключения хорошо понимали, какой ценой достается заочникам учеба, и очень доброжелательно, с уважением относились к нам. Это вовсе не значит, что к заочникам было какое-то снисхождение. Нет. Были и у нас повторные экзамены, неуды и другие ЧП. Но мы всегда чувствовали со стороны преподавателей внимание, заботу, заинтересованность» (там же).

Надо сказать, что душевная забота и внимание преподавателей к заочникам порой принимали уж совсем необычную форму. Вот пример. Однажды двое-трое студентов-заочников, среди которых был и мой папа, желая сдать хвост по латинскому языку, отправились к преподавательнице домой. Правильно. «Мы не можем ждать милостей от природы, – как сказал когда-то И. В. Мичурин. – Взять их у нее – наша задача». Когда пришли, хозяйки дома не оказалось. Но друзей это не смутило, они уселись на порожках крыльца и стали терпеливо ждать. До самого вечера. То-то был сюрприз для вернувшейся с работы «латинистки»! Но ни словечка грубого не сказала преподавательница незванным гостям, а первым делом накормила голодных ребят, напоила чаем, а уж потом стала принимать зачет у настырных учеников, которых она, тем не менее, уважительно называла «коллегами». Так мало того – сердобольная женщина еще и заштопала прохудившиеся папины брюки. А на прощанье всучила ребятам три рубля. Чтоб, значит, и завтра не бедствовали, перекусили хоть маленько: как известно, пустое брюхо к ученью глухо.

Вот так с божьей и людской помощью отец одолевал тернистый путь науки.

До того, как попасть в Воронеж, отец работал в нескольких районных газетах. И везде старался сделать районку интересной, «читабельной». Поэтому его и заметили «сверху». И вот в конце 1959 года отец был назначен редактором областной молодежной газеты «Молодой коммунар».

Это был конец ноября. Переезжали из Воронцовки на грузовике. Помню только, что ехали через заснеженные поля. Зябко. Мы с мамой в кабине с водителем. А папа в кузове – вместе с убогим нашим скарбом.

В нашу новую квартиру, на третий этаж, нам помогли поднять вещи папины новые сослуживцы. Ох, и пришлось им попытеть, затаскивая наверх сундук (еще из маминого приданого)! «Что же у вас там такое тяжеленное?!» – «Да что, что... Книги». Книги – вот было главное наше богатство.

...Начался новый этап в жизни моего отца. А было ему в ту пору двадцать девять лет. Эмма Афанасьевна Худякова рассказывала позже: «Назначили к нам главным какого-то деревенского парня. За глаза мы его сначала звали Мишей. Невысокий, худенький, русоволосый, сероглазый. В широких штанах и в рубашке явно не по последней моде. Коллектив встретил его настороженно, с ухмылочками. Интересно, и на что же этот сельский десант способен? Чем же это он лучше городских? Не нашлось что ли воронежца на освободившуюся должность? Но постепенно ирония и скепсис сменились удивлением, а потом и уважением. И уже никто редактора иначе как Михаилом Яковлевичем не называл. Первым делом он повесил на двери своего кабинета «грозное» предупреждение: «Без идеи не входить!» Михаил Яковлевич оказался талантливейшим организатором. Сам фонтанировал какими-то немислимыми проектами и того же требовал от сотрудников. Жизнь в редакции закипела...»

Будучи редактором областной молодежной газеты (1959–1967 годы), отец подобрал прекрасную команду. Именно при нем был заложен фундамент того «Молодого коммунара», который стал известен и популярен далеко за пределами области. Это «золотой век» газеты, время ее творческого подъема. Это переход «Молодого коммунара» с малого на большой формат. Вот как отец писал об этом событии позже: «День 16 апреля 1965 года и мы, работники редакции, и все читатели по праву называли днем второго рождения газеты. Все, кто был связан в то время с газетой, знают, сколько хлопот и трудностей пред-

шествовало этому событию. Большой формат требовал, прежде всего, значительного увеличения фонда бумаги. А она и тогда была не менее дефицитной, чем сейчас.

После создания материальной базы началась подготовка первых номеров нового формата. Месяца два редакция была похожа на вулкан, извергающий огненную лаву фантазии. Стены наших более чем скромных кабинетов буквально сотрясались от громоподобных возгласов, умопомрачительных идей и сногсшибательных предложений. Владик Аникеев денно и ночью разрабатывал свои маршруты к изобретателю лазера академику Басову, на погранзаставу, на Черноморский флот и в Уссурийскую тайгу. Эмма Худякова нервно покусывала кончик карандаша в творческих муках над 500-строчными статьями на моральные темы. Борис Косаревский самоотверженно выбрасывал десятки макетов, а Толя Костин так увлеченно пытался обойти Василия Пескова, что в одну из поездок в Графский заповедник забыл свое фоторужье в пригородном поезде. Чтобы судить о требовательности к качеству газеты, о желании видеть ее самой лучшей на свете, достаточно сказать, что только одно клише ее названия переделывалось до 20 раз. Особенно много выдумки проявлял Женя Дубровин. Так уж как-то получилось, что, несмотря на главную противоположность увлечений (Женя – юморист, я – лирик), в остальном наши житейские дорожки были или строго параллельны, или взаимно пересеченными, и мы с полуслова понимали друг друга: в детстве мы жили в соседних селах, но учились в одной школе, а в редакции имели разные ранги (я – редактор, он – заместитель), но сидели в силу извечной нехватки всяких площадей в одном рабочем кабинете.

В результате общих усилий и бессонных ночей первый номер газеты большого формата получился, как нам казалось, на славу. Даже и через несколько лет при уходе кого-то из редакции лучшим сувениром был именно этот номер с автографами всех сотрудников редакции.

Отрадно сознавать, что комсомольский задор, постоянные творческие поиски коллектива редакции тех лет давали хорошие плоды. Быстро рос авторитет газеты, повышалась ее действенность. Помимо многих деловых рубрик и разделов, живой отклик у читателей находили такие страницы и подборки, как «Гренада», «Almamater», «Роза ветров», «Хочу все знать», «Мир увлеченных», «Вечерний Воронеж», «Кладовая мудрости», «Будь здоров» и другие.

Наиболее точным выражением популярности любого печатного издания является его тираж. Уже на следующий год после перехода на большой формат тираж «Молодого коммунара» с 25 тысяч экземпляров возрос до 50 тысяч, а затем превысил 100 тысяч. Как говорится, комментарии излишни...» («Молодой коммунар». История продолжается. – Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова. – 1998).

В 1967 году отца перевели на другую должность – председателя Воронежского областного комитета по телевидению и радиовещанию. Это было значительное повышение. Но и ответственность, разумеется, огромная. Хочу обратиться к воспоминаниям соратников моего отца: «На Воронежское телевидение М. Я. Шишлянников пришел в период его бурного становления, создал дружный, талантливый и работоспособный коллектив специалистов: журналистов, режиссеров, операторов, инженеров и техников. Эти годы современники называли эпохой Ренессанса Воронежского телевидения. Появлялись новые, нестандартные, живые передачи – «Репортер», «Гвоздь» (местный аналог всесоюзного «Фитиля»), «Сказки кота Мурлыки» (вроде московской передачи «Спокойной ночи, малыши») и др. М. Я. Шишлянников сам стал соавтором передач, которые с большим успехом шли на Всесоюзном экране: воронежских «Голубых огоньков», известного всей стране цикла «Под Воронежем у нас» (о колхозе «Семилукский»), многих передач и репортажей, прошедших в эфире Интервидения и Евровидения. Особенно популярна была передача «Под Воронежем у нас».

Пресса писала о ней тогда постоянно. Весь цикл этих передач был удостоен Золотой медали Выставки достижений народного хозяйства. А по тем временам это была очень весомая награда!»

Творческие люди знают, как много скрывается за подобными скупыми строчками. За всеми перечисленными достижениями и наградами стоит не только и не столько минутное вдохновение и озарение, но и не видимый миру тяжелейший труд, напряжение всех сил – физических и душевных. И обычная, повседневная работа. В будни и в праздники. При всякой погоде и в любом состоянии здоровья. Помню, каким усталым, измочаленным отец приходил с работы, каким убитым он иногда возвращался из обкома или облисполкома партии, где получал очередной несправедливый нагоняй. Каким больным, с высокой температурой, он выезжал на какие-то неотложные съемки... Отец всегда был очень ответственным, обязательным и добросовестным даже в любых мелочах человеком. «Делай, что должно, и будь что будет» – мне кажется, жизнь его прошла под таким девизом.

Как и в редакциях газет, отец в телерадиокомитете работал с увлечением. Быть в середнячках – это не для него. Вот, например, как готовили «Голубые огоньки». Их сценаристом (или одним из сценаристов, не помню точно) был отец. Можно было, конечно, обойтись своими силами, пригласить в гости известных воронежцев, местных артистов. Но этого создателям передач показалось мало. И они бросились искать по всему Советскому Союзу знаменитых выходцев из Воронежа и области – ученых, писателей, космонавтов, артистов... И ведь собрали! Многие земляки откликнулись и приехали. Эти два воронежских «Огонька», которые транслировались по Центральному телевидению, произвели буквально фурор среди публики. Письма от восторженных телезрителей после этих передач почтальоны носили в комитет просто мешками!

Вместе с коллективом комитета отец все время искал, развивал, поддерживал что-то новое, интересное, необычное. При чем нередко, преодолевая яростное сопротивление людей из

другого «комитета». Из воспоминаний тележурналиста, призера премии ТЭФИ Владимира Герчикова: «...Руководил теле-радиокомитетом совсем недавно пришедший на эту должность бывший редактор молодежной газеты – Михаил Яковлевич Шишлянников. Я с ним работал тринадцать лет, и считаю, что мне повезло: он берег своих людей. Например, получая за какие-то программы, в том числе и за те, которые делал я, разгон, он ничего не говорил нам, подчиненным: он считал, зачем – толку-то от этого нет – людей нервировать. Шишлянников был заиклен на качестве передач – довольно редкое явление среди руководителей...

Когда начинающий тележурналист Владимир Герчиков пришел к начинающему председателю Комитета Шишлянникову и предложил ему делать что-то вроде «Эстафеты новостей», Шишлянников спросил, в чем будет особенность этой программы.

– Мы обязательно должны совмещать разговоры в студии с выездом на место события.

Председатель задумался и сказал, что это слишком сложно.

– Но ведь интересно, – сказал журналист.

– Может быть, – подытожил Шишлянников.

Так появился в воронежском эфире телевизионный журнал «Репортер». Программа объемом сорок пять минут выходила два раза в месяц, она шла в прямом эфире после вечернего выпуска московских «Новостей». Программа была невероятно популярной. Ян Шейхет – известный воронежский журналист, газетчик – был студийным ведущим, а Герчиков вел, как правило, репортаж. «И вот я помню, в первой программе мы привели в студию медведя из цирка. Медведь как-то косо посмотрел на дикторшу – все-таки в прямом эфире – она завизжала, заерзала, пыталась убежать. Зрители затаили дыхание – это был фурор, конечно. Почему медведь? А черт его знает, цирк, медведь, хотелось чего-то необычного, свежего – других задач в тот момент, может быть, и не было». Это было для Воронежа явлением. И в дальнейшем коллектив старался такого «медведя» в каждой программе иметь...

«Репортер» ругали за то, что не показывает жизнь рабочего класса и крестьянства, не отражает ход социалистического соревнования, обвиняли в отсутствии патриотизма... Отчего нервничали воронежские власти? Их просто раздражала невпisanность в общие правила. Не как все, не по стандартам. Естественно, программа «Репортер» просуществовала всего полтора года. «Последней каплей» оказалась телеграмма, которую воронежские журналисты послали Солженицыну в Рязань в связи с его пятидесятилетием. Поздравили, пожелали мужества, терпения, здоровья... В ходе разбирательства, проведенного чекистами, всплыли сведения о телеграмме от «Репортера». Дали команду на телевидение: разобраться и примерно наказать. Шейхету, как члену партии, вынесли строгий выговор. Беспартийного Герчикова не обсуждали, но обоим запретили выходить в эфир, а их программу закрыли. С работы, правда, журналистов не выгнали – отстоял Шишлянников» (Сагалаева Ю. Возвращение в Кучугуры. – М.: Изд-во ИКАР. – 1999).

А. И. Кривонос (А. Ильин) написал о М. Я. Шишлянникове к 80-летию Воронежского радио: «...Он был – поэт. Не потому, что издал несколько книжек стихов. Он был Поэт по видению жизни и отношению к ней, но Поэт, посаженный в клетку. Однако жить до конца дней Поэт в ней никогда не сможет...» (А. Ильин. Начальник с непроницаемым лицом и душой Поэта. – «Молодой коммунар», 3 ноября 2005 года, с. 15).

По-моему, Александр Ильич довольно близко подошел к разгадке личности моего отца. Только хочу добавить: непроницаемая внешность отца была маской, за которой скрывалась душа не только поэта, но и просто чрезвычайно ранимого, доброго, совестливого и стеснительного человека. Помню, однажды Александр Тихонович Смирнов, какое-то время работавший вместе с отцом в «Коммунаре», спросил у меня – таким тоном, будто сделал неожиданное открытие: «А ты знаешь, что Михаил Яковлевич был, в сущности, очень застенчивым человеком?!» Знаю, Саша. Кому же, как не мне, знать это... Будучи та-

лантливым организатором, руководителем, администратором довольно крупного масштаба, папа в душе оставался все тем же деревенским пареньком, которому родители сумели привить скромность, порядочность и внутреннюю интеллигентность. Помогая людям в разных жизненных ситуациях (кому-то он выбивал квартиру, кого-то защищал от нападков властей, кого-то вызволял из вытрезвителя – да-да, всякое бывало!), он никогда этим не кичился, даже тушевался, когда его благодарили. И будучи строгим, а с виду даже суровым начальником, он никогда не позволял себе повышать голос на подчиненных, тем более говорить с ними в оскорбительном тоне. И вообще всегда боялся ненароком задеть, обидеть человека. Считал: «Уж лучше меня, чем я».

Вспоминается в этой связи такой курьезный случай. Приехала к нам в гости мамина старшая сестра – тетя Лиля. Дело было летом, пора заготовок на зиму. Сестры закручивали в банки какие-то компоты. Одна стерилизовала банки, другая раскладывала в них фрукты-ягоды. На плите все дымилось, паровало. В чайнике кипел сироп для заливки. Одновременно с этим варился суп: папа обычно приезжал домой обедать. Вот и в этот раз заскочил на кухню – перед ним поставили тарелку горячего супчика. Начал отец хлебать его, приостановился на секунду. Взглянул на сестер, улыбнулся и продолжил начатое дело. Поблагодарил за обед и умчался опять на работу. Сестрицы, закончив консервирование, решили наконец-то тоже перекусить. Принялись за еду и ахнули! Суп-то сладкий! Вспомнили, что доливали в него из чайника воду: варево, дескать, густоватым получилось. А в чайнике-то сироп! Миша, бедный! Да как же он это ел?! И ведь ни словечка не проронил. Да, терпелив был мой папочка. А в жизни доставалась ему похлебка и погорше, и поострее...Ну да об этом уже и мною, и другими достаточно сказано.

Закончить рассказ об отце мне хотелось бы его стихотворением «Желание»:

Полнеба нервом воспаленным
Пронзила молнии стрела,
И в тот же миг по пыльным кленам
Ручьями туча потекла.

Рассыпав дробь свою до срока,
Скатился ливень за дуга.
И снова сонная осока
Дугою гнется к берегам.

То засмеются, то заплачут
Над полем птичьи бубенцы,
Где васильки на память прячут
Промытой радуги концы.

Когда придет пора проститься
Со всем, что было и что есть,
Хотел бы я дождем пролиться
На Черноземье отчих мест.

Всё, всё как должное приемля,
Хотел бы ливнем я упасть
И, напоив родную землю,
На ней бесследно не пропасть...

Demcmbo

Где-то есть город...

*Где-то есть город тихий, как сон,
Пылью текучей по грудь занесен.
В медленной речке вода как стекло,
Где-то есть город, в котором тепло.
Наше далекое детство там прошло...*

Р. Рождественский

Левая Россошь. Небольшое село в Каширском районе. А в 50-е годы это был районный центр, где мой отец года три-четыре работал редактором газеты.

Само село я помню смутно: маленькая еще была. Да, судя по всему, и не было там никаких выдающихся достопримечательностей. Отчетливо видится только домик, который нашей семье выделили для жилья: две комнаты и маленькая кухонька с печкой-грубкой, которая одним боком (где была лежанка) выходила в комнату, а другим (где была плита с конфорками для готовки) – в кухню. На печке-лежанке прошла немалая часть моего детства. Здесь было так тепло и уютно играть в куклы или лежать, листая (а позже и читая) книжки с яркими картинками.

Читать я научилась в четыре года (тогда мы как раз жили в Лево́й Россоши). Причем вопреки воле родителей: им не хотелось раньше времени нагружать ребенка. Но мир не без добрых людей. В редакции, где работал отец, я была своим человеком, как и в типографии, где печаталась газета. Текст тогда составляли из отдельных литер.

– Это какая буква? А это? – выпытывала я у наборщиц.

Вот так постепенно с их помощью и выучила азбуку.

Надо сказать, я с раннего детства была довольно самостоятельной девчонкой. Мама, уходя по делам, часто оставляла меня

дома одну. И вот, сидя на печи, я спасалась от скуки как могла. И, конечно, главной забавой было чтение. Так с книжкой в руках иной раз и засыпала...

А мама, возвращаясь домой, тоже отогревалась либо на печке, либо у грубки, прислонившись к горячей стене. Вот так же, помню, стояла она однажды, вернувшись из магазина, – усталая, замерзшая и чем-то расстроенная. Что же случилось? А вот что. Знакомая продавщица накануне шепнула ей на ушко:

– Рая, приходи завтра с утра: должны селедочку завезти.

Мама и пришла, как договорились. Продавщица завела ее в подсобку, чтобы осчастливить дефицитным товаром. А тут, откуда ни возьмись, нагрянуло в магазин какое-то начальство. Продавщица выскочила в торговый зал, закрыв маму в чуланчике. Да и забыла о пленнице. Так мама, бедолага, и просидела там часа два, пока о ней не вспомнили. Принесла ли она домой селедку? Не знаю, а спросить уже не у кого...

Вот такое было это послевоенное времечко. Пустые магазины. Ну соль, спички, свечи были, наверно. Был хлеб, и то слава богу. Но постного масла не водилось, картошку жарили на рыбьем жире. Из лакомств на прилавке – только тающие в лотке подушечки ядовито-розового цвета. Интересно, как их продавали – на развес или на розлив? А вкус эта карамель имела такой ядреный, шибаящий в нос плодово-ягодной эссенцией!

Правда, папа иногда ездил по делам в Воронеж и всегда привозил оттуда чай, лимоны, бублики, халву, пастилу. И карамель. Но уже другую, рангом повыше – «Театральную», «Петушиные гребешки». Ну и что ж, что не было бананов и «Сникерсов». Зато было это радостное ожидание немудреных городских гостей, были эти чаепития возле пылающей печки, где за столом сидели трое – мои молодые, красивые родители и я между ними. Тоже красивая (шутка). И главное – все счастливые. И не могли помешать этому счастью ни полуголодное существование, ни убогий быт.

А условия нашей жизни были еще те! Например, домик, который мы снимали, был населен всяческой неистребимой живностью. Всюду шныряли мыши, наводящие на меня мистический ужас. Особенно когда я оставалась одна. Вот уж они тогда резвились! Как будто чувствовали, что некому их приструнить. Что я могла против них?! Только беспомощно смотрела с печки, как они суетятся за сундуком, да устрашающе мяукала. Как будто они дураки и не распознают подвоха. Конечно, на этих маленьких мерзавцев мои ухищрения не производили ни малейшего впечатления. Взрослые по-своему пытались бороться с нежеланными квартирантами. Папа устраивал для них ловушки из ведра с водой и с переворачивающейся крышкой. Но мышки как бежали, так и продолжали бегать, всем своим независимым видом как бы показывая: всех вы нас не переловите!

Но однажды мышиному беспределу наступил конец. Я подобрала на улице рыжего котенка и притащила его домой. Это был не первый представитель кошачьего племени, которого я пыталась поселить в нашем доме. Но всякий раз мама говорила строгим голосом:

– Отнеси туда, откуда взяла!

Надо сказать, что мама была не злая. И животных вообще-то любила: сама выросла в деревне, где порой в избе зимовали и ягнята, и козлята, и новорожденные телята. А в сенях стояла лошадь. Мимо нее дети проскакивали с опаской: а ну-ка укусит. Но даже эта большая и страшная коняга не вызвала у моей мамы такого ужаса, как кошки. На них у нее была какая-то идиосинкразия. Необъяснимая и непреодолимая. Наверно, врожденная. И когда маленькую Раю однажды заставили погладить кошку, девочка попросту потеряла сознание.

И вот я принесла домой пушистого рыжика. Он был такой хорошенький! Думала, мама не сможет устоять и оставит котенка. И что же вы думаете? Она-таки оставила его (хоть и скрепя сердце)! Но не за кошачьи прелести. А за то, что он прямо с порога кинулся куда-то в угол, за шкаф и выскочил оттуда с мышью в зубах! И мамино сердце растаяло. Хоть и вредные су-

щества эти кошки, но какая-никакая польза от них все же есть. Вот тут-то грызунам похужело! А поголовье их значительно сократилось. Уже не шастали они всюду так беззастенчиво, как раньше. Поутихли маленько.

Мышами фауна нашего дома не ограничивалась. Много лет спустя мама со смехом рассказывала такой случай. Однажды я гуляла около дома. Наверно, это было воскресенье: иначе почему папа был в это время не на работе? Кто-то из соседей спросил:

– Аня, родители-то дома?

– Дома, – говорю.

– А что делают?

– Да клопов травят!

Вот такое неинтеллигентное занятие в выходной день... А что делать? Это жизнь во всех ее проявлениях.

«А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!» Нет, правда, правда! Радость моего существования не могли омрачить неприглядные мелочи быта. Детство у меня было счастливое. Единственное дитя в семье, любимое, обласканное. С родителями мне крупно повезло, хоть я их и не выбирала. Мама была домохозяйкой. Она почти всегда была рядом со мной, а я – с ней. И поэтому я постепенно научилась всему, что умела она сама, – шить, вышивать, вязать, готовить. А папа являл собой образец того, как мужчина может и должен любить свою семью. Правда, его положительный пример сыграл в моей уже взрослой жизни отрицательную роль: всех мужчин я мерила по своему отцу, и ни один под эту мерку и близко не подходил. Такого человека, как папа, я, к сожалению, не встретила... Но это так, к слову.

...А еще жизнь была хороша тем, что была у меня верная подружка – Таня Борисова, дочка школьных учителей. Мы жили по соседству, и с Таней были неразлучны. Вместе бегали по улицам, вместе играли и вместе... хулиганили. Ох, теперь стыдно и

вспомнить, что мы с ней вытворяли. Идет, бывало, мимо нашего дома человек, ничего плохого не подозревая. А тут ему вслед откуда-то несется:

– Морда! Жопа!

Человек оглядывается, озирается – никого нет. И идет себе дальше. Уже с подпорченным настроением. А мы с Танькой сидим, спрятавшись за парапетом крыльца, и хихикаем. Нас в нашем укрытии не заметили. На этот раз. Но сколько веревочке ни виться, а кончику быть. Однажды нас выволакивают из нашего убежища и тащат к родителям:

– Полюбуйтесь-ка на этих бесстыжих! И это редакторская дочка! И учительская дочка! Чему ж вы, граждане, других научите, если своих детей не можете воспитать?!

В общем, позор на родительскую голову. Бедные, бедные. Ну не виноваты они! Не учили нас плохому! Это все дурное влияние улицы!

Не помню уже, какие меры были приняты, но от подобных недостойных развлечений нас с Танькой отучили в момент. Да мы и сами не особенно-то заикливались на каком-нибудь одном роде деятельности. Мало ли интересного в мире? Вот, например, идешь мимо мусорки, а там блестит что-то невероятно прекрасное – осколки разбитой тарелки, или вазы, или рюмки. Небывалое везение: можно сделать в земле секретик. Сколько таких произведений детского народного творчества зарыто в верхних слоях культурного слоя! Куда только смотрят археологи...

Еще мы с Танькой могли пойти к знакомой портнихе на нашей улице и попросить у нее ненужных лоскутов. Ишить из них куклам нарядов.

А маленькие пушистые желтые комочки – цыплята! Они ведь тоже на нашем попечении. Нужно срочно нащипать молодой сочной травы и положить им в загончик: пусть подкрепятся витаминами. К осени, глядишь, превратятся в белых и пестрых

курочек и петушков. Немногие, правда, доживали до поры зрелости: то болезнь подкосит, то приبلудная кошка схарчит, то хорь задушит. Выживали самые стойкие, цепкие и наглые. Что поделаешь: естественный отбор... Вот об одном таком маленьком, но бойком цыпленке, выросшем в огромного петуха, хочу рассказать особо. Это поучительная история. О том, как мы его, змееныша, пригрели на своей груди, а он отплатил черной неблагодарностью. В жизни так часто бывает...

Петух этот был довольно хорош собой: раскраска яркая, боевая. Желтые, красные и зеленые перья в солнечных лучах отливают металлическим блеском. Взгляд у птицы такой пристальный, изучающий. Походка важная, степенная, горделивая. Помнится, возвращаюсь я как-то домой с улицы, подхожу к двери. Петька в это время пасет свое куриное стадо невдалеке и, кажется, настолько поглощен этим ответственным занятием, что до остального ему вроде бы и дела нет. Но стоит мне повернуться к нему тылом, как этот злодей стремглав подскакивает и тюкает меня (и это, можно сказать, свою няню!) в мягкое место. Да так больно! А уж как обидно! Не я ль, тебя, коварного предателя, в твоём безмятежном детстве кормила-поила, не я ль тебя оберегала от кошек и ворон? А ты?! Слезы брызжут из моих глаз, округа оглашается ревом. Мать, испуганная, выбегает из дома. Прогоняет этого кровожадного зверюгу, а меня подхватывает на руки и успокаивает. Дома смазывает ранку зеленкой, а мне дает наставления:

– Ты к нему близко-то не подходи, раз он такой драчун. С дураками лучше не связываться.

– Я не подходила! Он са-а-а-м...

С тех пор я петуха обходила стороной и спиной к нему не поворачивалась. Но, как говорится, свинья грязи найдет, а горбатого могила исправит. Однажды петух, так и не дождавшись, когда я ослаблю бдительность и упущу его из поля зрения, бросился в открытую атаку – подпрыгнул, хлопая крыльями, и клюнул меня точнехонько в лоб. А-а-а! Ма-ма-а-а! Тут уж

не только в округе, но и в Воронеже, наверно, содрогнулись от душераздирающего вопля. Но недолго петушина проклятый праздновал триумф. В этот день своими вероломными действиями домашний тиран подписал себе смертный приговор. Это ж надо – чуть не выклевал ребенку глаз! Ты на кого, вражина, свой клюв поднял?! Ты кем себя возомнил, а?! И тут на смену естественному отбору пришел отбор искусственный, справедливый: Петька-забияка сложил буйную голову на плахе. И поделом ему: не надо зарываться! Не надо бить своих! В крайнем случае, – чужих (шутка, грустная)...

...Одним из самых печальных событий влевой Россоши стал для меня переезд семьи Борисовых на другую квартиру, далеко от нас. Проводив их, я сильно закручинилась. Тут подходит ко мне знакомая девчонка:

– А пойдем ко мне, поиграем!

Ну я и пошла с ней на другой конец села, чтоб утолить свои печали, забыться. И это мне удалось: за играми и правда забылась – до самого вечера! Уже ее родители пришли с работы. Тут-то я и вспомнила, что и у меня есть дом родной, а в нем – мама с папой. Ой-ой-ой! Что же будет, что же будет?! И я пустилась в обратный путь. Ох и нелегко он был! Считаю, из каждого двора доброты кричали:

– Аня, тебя мама ищет!

Сначала я бежала. Потом, запыхавшись, перешла на шаг. Потом, обессилев, плелась еле-еле. И наконец достигла родного порога. Эх, горемычная я, горемычная! Может, лучше мне было и не возвращаться вовсе? Убьют ведь! Осторожно заглянула с крыльца в окошко – мамы не видно, один папа мечется по комнате с папиросой в зубах. Прошмыгнула быстро в дом и шасть на печку! Схватила мамин платок, туго стянула им голову, как делала мама, когда ее мучила мигрень. Легла на подушку и давай протяжно стонать. Папа строго окликает меня:

– Ты мать-то не встретила? Подожди, вот вернется, она тебе задаст!

А чего матери-то дожидаться? Сам бы и задал. Но нет, такого не бывало. Ни на меня, ни на маму, да вообще ни на кого отец в жизни не повысил голоса. Только молчал. Но действовало это почему-то лучше всяких упреков.

...Тут и мать прибежала, увидела меня на печи – с перевязанной головой. Опустилась на стул и облегченно заплакала. Ну да ритуал соблюсти все равно нужно, грозит мне снизу кулаком:

– Ты где ж была, бесовестная?! Мы с отцом полдня тебя ищем по всему селу! Во все колодцы заглянули, все сараи проверили! Уже и не чаяли увидеть! Думали, тебя цыгане украли!

Отец лишь вздыхает и увещевает маму:

– Ну ладно тебе, хватит уже. Видишь, человеку плохо – голова болит...

На этом воспитательные мероприятия заканчиваются. Видно, укатали мамку крутые горки. Поди-ка побегай по селу. Да еще в расстроенных чувствах. И вот – уже миролюбивым тоном – меня зовут вниз:

– Слезай, ужинать будем.

Я с опаской сползаю с печки и несмело, бочком подхожу к столу. Мама хватает меня в охапку, прижимает к себе и целует. Ну это уже лишнее. Не убили – и на том спасибо!

...А одним из знаменательных событий стала поездка в Воронеж. Как-то папе нужно было в центр по делам. Но дела, видно, были не очень ответственные, потому что позволяли взять меня, шестилетнюю, с собой.

Сначала мы едем на велосипеде – папа рулевым, а я – пассажиром. Потом, вместе с велосипедом, оказываемся в кузове попутного грузовика: опять же мир не без добрых людей! Так и въезжаем в Воронеж. А тут – опять на велике – передвигаемся по улицам уже самостоятельно. Город, конечно, ошеломляет меня: шумный, многоэтажный и многолюдный. Вот мы достигаем цели нашей поездки. Это Дом печати. Здесь и книжный магазин, и какие-то учреждения, и редакция газеты «Молодой

коммунар», куда папа привез свои рукописи (наверно, для опубликования) и куда года через три он будет назначен редактором. Но об этом он пока не догадывается и поэтому, как полагает рядовому посетителю, ведет себя скромно и даже чуть неуверенно. Не говоря уж обо мне. Это дома я смелая, а порой и настырная (вспомнить хотя бы наши с Танькой выходки!). Здесь же присмирела, вцепилась в папину руку и настороженно выглядываю из-за его спины. Но, слава богу, деловой визит довольно быстро заканчивается, и мы свободны. Гулять! Папа что-то рассказывает мне о городе. Иногда мы заходим в магазины – грех не воспользоваться случаем! Иногда отдыхаем в парках – в Кольцовском, Первомайском, Петровском. Заканчивается наша прогулка у вокзала. Мы долго сидим на скамейке в привокзальном сквере: умаялись. Да и день выдался знойный. Но над нами раскинули свои кроны деревья, а в руках у нас с папой по мороженому. О, это чудо! Так жить можно и в самую лютую жару. Счастливые же эти городские: могут лакомиться мороженым хоть каждый день. Я же пробую его впервые и стараюсь растянуть удовольствие.

За спиной у нас прибывают и убывают поезда. Наконец среди них подает гудок и тот, который отвезет меня и папу домой. Туда, где нас ждет мама...

Солнечные поляны детства

Воронцовка. Сейчас это село относится к Павловскому району, а в конце пятидесятых было районным центром. Со своей администрацией и со своей газетой, где мой папа был редактором.

Здесь мы прожили всего два года, но для меня – в то время семи-восьмилетней девчонки – это была целая эпоха. Каждый день – длиной в год. И сколько событий происходило ежедневно! Сколько неотложных дел требовало моего неременного участия!

...Вот мы с подружкой Люськой идем из школы после уроков. Но это мы не просто идем, мы в дозоре: нужно найти и собрать урожай шампиньонов. Они растут прямо под деревьями на улице, потому что откуда-то завезли в село унавоженную и «зараженную» спорами землю. Грибы приподнимают своими крутолобыми головками почву, от вершины земляного купола разбегаются мелкие трещинки, и по этим опознавательным знакам мы безошибочно определяем, где затаились эти крепыши – с белорозовым атласным верхом и нежно-коричневым пластинчатым, под тонкой пленкой, исподом. Откапываем их прямо руками, складываем в фартуки и мчимся домой, к маме, чтобы приготовить. Пока мать на керосинке жарит грибы с луком и картошкой, мы сидим рядом и, вдыхая вкуснейший аромат, напряженно, не отводя взгляда, следим за сковородкой. Ну когда же, когда конец? Может, уже готово, мама?

После обеда наспех делаем уроки и бежим на речку Осередь – не купаться, так хоть по бережку побегать да ноги помочить. Теперь речка, говорят, обмелела, заросла осокой. А ведь когда-то на ней зарождался российский флот!

Потом, после речки, – долг зовет! – мы отправляемся в Люськин сад: мать перед уходом на работу приказала дочке набрать ведро вишни. Пришло время заготовок. Собирать вишню нам совсем неохота. А вареньица зимой? Так что деваться некуда.

Любишь кататься, как говорится... И вот мы с подружкой в саду. Кыш, кыш, поганцы! Расхозяйничались! Воробьи вспархивают стайкой над деревьями: тоже любители полакомиться зрелыми ягодами. Сначала мы с Люськой собираем больше в рот, чем в ведро. Но вот уже оскоминой свело скулы, хватит! А вишни гроздьями свисают с веток. Крупные, темные, блестящие. И в каждой отражается солнце. Некоторые вишенки растут парами, и мы вешаем их на уши вроде сережек. Есть и тройные, четверные – эти прикалываем на грудь, как брошки. Лучших украшений в моей жизни с той поры, кажется, не было...

...Когда есть время, – в выходной или в праздник, – можно погулять в парке. Особенно хорошо там на Первое мая. Помнится, родители ушли в гости, а мне дали рубль на гостинцы. И вот мы гурьбой с друзьями бежим в магазин, покупаем конфет, пастилы, лимонада (ведь у нас целый рубль!) и отправляемся в парк гулять-пировать. Идти под горку легко, и мы почти что летим, едва касаясь земли ступнями. А земля только-только отогревается после зимы, но грязи уже нет. Утоптанная тропинка еще влажная, но достаточно плотная и упругая – как крутое тесто на лапшу. Земля парует под весенними лучами и приятно пружинит под ногами.

А в парке уже «веселится и ликует весь народ». Да и как не ликовать в такой день?! Солнце, новорожденная нежная зелень на березках, осинах и кустарниках (дубы-то еще не проснулись от зимней спячки). Духовой оркестр наяривает на открытой эстрадной площадке. Все поют, танцуют, смеются. Мы тоже толкаемся среди этих нарядных и счастливых людей – принимаем посильное участие во всеобщем празднике. И нет в мире ни горя, ни войн, ни болезней. «Только небо, только ветер, только радость впереди...»

Да, парк был в то время в Воронцовке знатный. Деревья в три обхвата. Стоял там и стоит по сию пору дуб, который, по преданиям, посажен самим Петром I. Ну а что, может, и правда: ведь именно здесь царь строил российский флот, материала для этого было достаточно: прямо за селом, на пригорке – знаменитый Шипов лес.

В энциклопедии теперь можно прочитать историческую справку: «Свое название Шипов лес получил от англ. ship – корабль. Еще в 1709 году Петр I за превосходное качество строевой древесины объявил лесной массив государевым корабельным лесом».

Но то было давно. А в середине XX века никто уже здесь кораблей не сооружал. Для нас – и детей, и взрослых – Шипов лес был местом отдохновения души и тела. Помню, как приходили и приезжали сюда весной за подснежниками и воронцами (дикими пионами густо-красного цвета), летом – за земляникой, осенью – за орехами и грибами, которых набирали мешками.

...У моих родителей в Воронцовке была хорошая, дружная компания, в которой они часто проводили время. Бывало, выпьют в праздник на всех четвертинку водки или бутылку вина. А веселья-то, веселья! Тут и игры, и песни под гитару, и танцы под патефон. «На сопках Манчжурии», «Амурские волны», «Дунайские волны»... Часто выезжали вместе с детьми на пикники в лес. Лес, полный чудес. Весной – это безбрежное голубое море подснежников, осенью – полчища (как в сказке!) грибов. Что называется – хоть косой коси. Однажды мы насобирали столько маслят, что не хватило ведер, и пришлось ссыпать лесные трофеи в разложенную на земле плащ-палатку. Неужели все это было в моей жизни? Уже и не верится... А может, приснилось?..

...Ярким пятном светится в памяти такая картинка. Как-то в летний полдень папа, воспользовавшись своим служебным положением, оседлал редакционный мотоцикл, посадил меня, и мы помчались со скоростью ветра (так мне казалось) по проселочной дороге прочь из села. Через хлебное поле – к лесу. Заезжаем в дубраву и еще, по кочкам, продвигаемся немного вглубь. Вот деревья расступаются, и неожиданно открывается ослепительная солнечная поляна. Сплошь в ромашках и колокольчиках! Трава по пояс (во всяком случае, мне). А внизу, в траве, – земляника! Темно-красная, блестящая, будто покрытая лаком снаружи и с розоватой нежной мякотью, насыщенной душистым соком, внутри. Я с восторгом торопливо набиваю ею рот. А папа находит кусочек бересты, сворачивает из нее кулечек-кузовок

и аккуратно собирает в него ягоды. Заполнив доверху, протягивает это лесное чудо мне. «Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться...» Кому-то – в городок, а мне – на ту солнечную, цветочно-земляничную поляну. Чтобы окунуться в бушующее июньское разнотравье, вдохнуть благоухающий воздух детства, где я маленькая, а папа молодой, по-мальчишески щуплый и вихрастый, с берестяным кузовком в руках...

Десятью годами позже, когда я уже училась на филфаке, сюда, в Воронцовку, нас привезли в фольклорную экспедицию. И что интересно, поселили в здание интерната, в котором раньше размещалась редакция районной газеты. Две комнаты на втором этаже тогда занимала редакторская семья (то есть наша). И так получилось, что жила я во время экспедиции в своем собственном уголке. Ну не чудеса ли?

Со щемящим сердцем я обежала тогда все мои памятные места. Вот сквер в центре села, где в тени молодых акаций мы с подружками из подручных средств сооружали домики: дочки-матери ведь должны же где-то жить. Акации выросли и состарились, а Ленин, покрашенный серебрянкой, по-прежнему простирает свою длань над вверенной ему территорией. И все-то он в одной поре, ничуть не постарел, даже кепка еще не износилась.

Вот Дом культуры, куда мы бегали в кино за 20 копеек (или детские билеты были дешевле?). «Не имей сто рублей», «Девочка ищет отца», «На графских развалинах»... До чего ж классные были фильмы! Теперь-то таких уж не делают...

А рядом с Домом культуры – небольшое здание, где жил collega моего отца Иван Андросов. Наши семьи дружили, вместе отмечали дни рождения, праздники. Взрослые сидели за столом, разговаривали, пели песни. Мы же с Сашкой (заранее накормленные) играли в другой комнате. Он был года на два моложе меня, но это не считается. Мы с ним ладили. Сашка был добрый и бесхитростный пацан. И однажды по своей простоте подвел родителей под монастырь. Дело было так. Время от времени в Воронцовку приезжал по служебным делам один воронежский

журналист из «Коммуны». А останавливался у друга, у Андросова. Ну, видно, и поднадоел хозяйке. Приходят как-то Иван с гостем вечером домой, а им навстречу Сашка. Подбоченившись (у матери ухватку подсмотрел) и насупив брови, грозно так вопрошает:

– Ты, паразит проклятый, опять этого пьяницу привел?!

Ужас! Родители в ступоре, гость в шоке. Тут же засобирались уходить. Его – останавливать, уговаривать, а он ни в какую. Разобиделся:

– Ну зачем же вы уж так уж!

– Да это ж ребенок! Что с него взять?

– Ребенок сам такое не придумает!

Эх, Сашка-Сашка, вредитель ты мелкий! Поручил крепкую мужскую дружбу. А вот нечего при детях язык распускать!

...Встретилась я в тот приезд со своими школьными друзьями-подружками. Вот только хулиганистого сероглазого, вечно смеющегося пацана – Вовки Мельникова, который в первом классе прислал мне на уроке арифметики записку со словами «Аня я тебя люблю», – в селе уже не было: уехал куда-то. И, как мне сказали, следы его затерялись. Жаль...

С подругой по филфаку Галкой Шевченко мы ходили и в Шипов лес. Но ту земляничную поляну я найти не смогла. Да и надо ли? Ведь нас – ни меня, ни папы – там уже давно нет...

Бабуля

С бабуней

Сколько помню себя, столько помню свою бабуню – бабушку по матери. Вот мне три года. Бабуня куда-то идет по своим делам. И я с нею. А куда ж меня девать-то?..

Худенькая, сгорбленная, бабуня ходит, слегка переваливаясь с ноги на ногу (ревматизм сказывается) и чуть растопырив полусогнутые в локтях руки – «раскрылившись», как говорят в нашей деревне. Мне бабуня кажется старенькой, хотя ей всего-то чуть больше пятидесяти. У бабуни – лицо в морщинках, с наполовину беззубым запавшим ртом и ввалившимися из-за этой беззубости щеками: голод и цинга не прошли даром, а вставлять зубы – где и когда было «занужённой» крестьянке в те – послевоенные – годы? Это уже потом, через много лет, приезжая на зиму в город к своим дочерям, бабуня обзавелась красивой белозубой вставной челюстью и в свои семьдесят вроде бы даже стала выглядеть моложе, чем раньше: щеки округлились, кожа порозовела, морщинки разгладились. А в тот момент, когда мы с бабуней куда-то идем по делу, она кажется мне чуть ли не древней. Ее седые реденькие волосы заплетены в две тоненькие косицы с белыми тряпочками на концах и подвязаны на затылке крест-накрест. Все это сооружение покрыто вечным старушечьим платком – обычно он черный, реже – по праздникам – белый в мелкую крапинку, с незамысловатым цветочным орнаментом по краю. Вообще бабушкино одеяние не отличается разнообразием: темная сборчатая юбка, такая же кофта с длинным рукавом (кофта, как ее называет бабуня), на ногах – или парадные черные тапочки, или рабочие калоши.

Невзрачная одежда и повязанный под подбородком черный платок, а также своеобразная бабунина походка – вперевалочку – делают ее похожей на большую птицу – скорее всего, на ворону. Да и фамилия у бабушки под стать ей самой – Воронина. Правда, это по мужу. А в девичестве – Кончакова, и это дает основания

считать, что не обошлось тут без участия хана Кончака или, по крайней мере, его приспешников. Ох не обошлось! Вот, видно, откуда у всех в нашей родне широкие скулы и чуть раскосые (правда, не черные, а светлые) глаза. И прав, наверно, был поэт, когда утверждал:

Да, скифы мы, да азиаты мы
С раскосыми и жадными очами...

О «жадности» в очах судить не берусь: если она и была у моих предков, то, скорее, не от жажды крови, а от вечного голода. А вот насчет остального, пожалуй, верно: есть, есть у нас в крови некоторая азиатчина, что и проявилось в нашей внешности. Это от бабуни.

...Вспоминается давний разговор с мамой. Она говорит, что в молодости бабуна была первой красавицей на селе. Но я – малолетняя – встречаю это сообщение с большим недоверием. Конечно, лучше моей родненькой бабуни нет никого на свете. В доброте ей никак не откажешь, но вот в красоте... В красоте, как мне кажется, бабуну заподозрить сложно. Да и в то, что она в принципе когда-то была молодой, тоже верится с трудом. Но раз мама так говорит... Ладно, допустим. Но тогда возникает вопрос:

– Когда бабуна была молодой, она была мне тетей?

– Нет, бабушкой.

– Ну как же? Молодая – значит тетя. Нет, все-таки она была мне тетей, – убежденно говорю я.

– Она всегда была тебе бабушкой, – не соглашается с моими доводами мама.

Вот ведь бестолочь упрямая, думаю я. Бестолочью меня иногда называет мама. А сама! Тоже ничуть не лучше. Мне мамина логика совершенно непонятна, но я, чтобы не раздражать ее, замолкаю, однако остаюсь при своем мнении.

...Итак, мы направляемся с бабуней по делам. Но по каким именно? Это необходимо выяснить.

– Бабунь, а куда это мы идем?

– Да деда Чивили обмывать.

– А чего его обмывать-то? Он что, обкакался?

Бабуня вздрагивает и замирает в глубокой оторопи:

– Свят, свят, свят... Да ты че несешь-то? Помер он, царствие ему небесное. Вот и надо его обмыть-снарядить напоследок-то.

Что такое помер, я представляю, хотя и весьма приблизительно (как все мы в детстве). В последние дни слова «помер», «умер», «преставился» у всех на устах. Умер Сталин. Это я сама слышала по радио. Радио – это такая черная говорящая тарелка на стене. Оттуда часто разносятся задорные частушки Мордасовой, так любимые всеми моими деревенскими родственниками, да и мной тоже:

Едет трактор новенький,
Тракторист молоденький.
Я хотела руку дать –
Его в пыли не видать...

Но в последние дни стране совсем не до веселья: умер Сталин. Это великое всенародное горе, как говорили по радио. И то верно: плакали и бабуня, и мама, и соседка баба Нюра. И надо ж случиться такому совпадению – в эти же дни умер дед Чивиль, что тоже, по всей видимости, не добавило радости жителям пусть не всей страны, но определенной ее части. Два этих события в моем несмышленом умишке каким-то непостижимым образом наложились одно на другое. И, идя вместе с бабуней собирать человека в последний путь, я как-то перепутала, кто же этот усопший – не то дед Чивиль, не то дедушка Сталин.

...В хате умершего собрались старухи, чтобы совершить необходимый обряд. Обмывают покойника на широкой доске, положенной на две табуретки. Дед – желтый, как стеариновая свечка. Длинный, костлявый, одеревеневший. Нагой, но при этом безучастный ко всему, не ведающий стыда ни перед по-

жилыми женщинами, ни перед маленькими девчушками вроде меня. Живым я его никогда не видела, как, впрочем, и Сталина. И весь этот скорбный ритуал, на котором мне случайно довелось присутствовать, – последний туалет скромного «маленького» человека и его вполне рядовая, ничем не примечательная смерть оказались надолго и прочно связаны в моей памяти с величественной в своем вселенском трагизме кончиной Сталина. Поистине, неотделима судьба вождя от судьбы его народа...

...С печальным обрядом покончено, но наши дела на этот день, как оказывается, не завершены. По пути домой нас перехватывает баба Даша – бабунина невестка, жена деверя (брата мужа). Чтобы были понятны родственные связи, объясню: наш дед Ерёмка (который не вернулся с войны) и Мишка, муж бабы Даши – родные братья. Надо заметить, что на тот момент, когда мы идем с бабуней по деревне, Мишка пока еще жив, но через несколько лет беспробудное пьянство сведет его в могилу. Так вот, баба Даша выскакивает из своего двора и призывно машет рукой:

– Невеска, скорей! Сюды!

– Чё такая? – бабуня встревожена.

– Да Бычиха опять затеяла... Пошли браниться!

Следует уточнить, что последняя фраза означает не констатацию факта, а боевой призыв к действию. И мы с бабуней поспешаем за бабой Дашей к ней во двор, а затем на огород – на межу с соседским огородом, который как раз и принадлежит Бычихе – сестре деда Ерёмки и Мишки. Почему Бычиха получила в народе такое прозвище, теперь уже трудно сказать с уверенностью. Может быть, за свой «бодливый», склочный характер? Более ехидной и гаденькой старушки трудно себе представить. Не было такого человека в поселке, с которым бы она не поругалась по поводу или без повода. Как не обошлось ни одной свадьбы без драки и кровопролития («Ох и свадьба у Васьки была! Шашнадцать рубах порвали!» – с восхищением вспоминали иной раз мужики), так не было ни одной гулянки, на которой бы не про-

лилась Бычихина желчь. Завистливая и вредная бабенка просто не выносила даже одного вида веселых и счастливых людей: тут же извергала какую-нибудь гнусность, чтобы испортить человеку настроение. В наши дни сказали бы, что она подпитывалась отрицательной энергией. Тем и жила. Вот и теперь Бычиха гну-савым и визгливым голоском что-то выкрикивала с той стороны межи в адрес своих соседей. Но и наши бабульки не лыком шиты, вместе-то они – сила:

– Да ты сама-то хто?! На себе погляди. И-и-их! Умок-то с ды-рочкей!

– А ты подслепаля!

– А у твоей Райки правое плечо ниже левого!

– А у тебе, а у твоей ... и т. д. и т. п.

Нужно сказать, что такие вот обыденно-бытовые словесные потасовки – не в экстремальной ситуации свадьбы или похорон, а в привычных условиях, на своей территории – обычно носили почти ритуальный характер. После того как Бычиха наносила свой первый моральный удар по недругам, те присылали гонца за подкреплением:

– Скоряя! Там наши с Бычихой бронются!

Бабуня подхватывалась, брала в одну руку табуретку, в дру-гую – внука, который в тот момент был на ее попечении (быва-ло, что и меня, как в этот раз), и ковыляла к бабке Дарье. Там устраивалась с максимальным комфортом: садилась на табу-ретку, сажала дитя на колени и включалась в боевые действия. Сначала бранились с азартом, запальчиво, но постепенно пыл – как с одной стороны «баррикады», так и с другой – угасал... Неприятели продолжали перепалку уже неспешно и лениво, чуть ли не позевывая. Наконец ссора и вовсе сходила на нет. Да и дру-гие – не менее важные – дела подпирали: и теленку пойло дать, и курам «посыпать», и внуков накормить, в конце концов! А там, глядишь, и коров погонят с пастбища – предстоит вечерняя дой-ка... С поля вернутся работники – надо ужин состряпать.

И противники, вынужденные вернуться к мирной жизни, покидали поле брани...

Бабуня с табуреткой в одной руке и с внуком в другой пускалась в обратный путь, домой.

До следующего раза...

Нас не обманешь!

– Бабуня, ты это что делаешь? – любопытствую я, четырехлетняя, следя за бабушкиными действиями: только что она захлопнула ставни снаружи, завесила окна одеялами изнутри. Затем замкнула дверь, выходящую во двор. А через другую дверь, – парадную, выходящую на улицу, – предусмотрительно оставленную открытой, мы с ней заходим в сенцы. Вот бабуня закрывает и эту дверь – на засов.

– Бабу-у-нь! Это ты зачем?

Бабуня, отмахнувшись от меня, ничего не отвечает. Но я догадываюсь и сама: ох и хитрая же у меня бабушка! Это она все делает для того, чтобы люди думали, будто дома никого нет. А мы вот они! Сидим в хате под замком. Вернее, это я сижу – взгромоздилась на печь и наблюдаю сверху за всем происходящим внизу. А бабуня хлопочет возле печки.

В комнате полутемно. Мухи, обманутые враз наступившими сумерками, подчиняясь условному рефлексу, рассаживаются на стенах и на потолке и, сонные, затихают. Сейчас бабуня, наверно, примется за меня – велит и мне укладываться. А я этого терпеть не могу – спать днем, когда вокруг столько интересного. Но нет, бабуня, забыв обо мне, колдует над чугунами и лоханками. Я слежаю с печи (на разведку), подбираюсь поближе и заглядываю в чугунок – в нос шибает теплый и хмельной хлебный дух.

–Бабунь, а что это ты делаешь?

– Да телку пойло грею.

Я, вроде бы удовлетворившись ответом, киваю. А бабуня, пошарив по разным карманам и кармашкам фартука («хвартика», как она его называет) и своей необъятной сборчатой юбки, достает откуда-то из ее недр кусочек колотого сахара, успевшего утратить свою первозданную кристальную белизну, и протягивает его мне. Поглядев с умилением, как я начинаю обсасывать-

немудреное лакомство, бабуня возвращается к своим занятиям, а я водворяюсь на печку – продолжать наблюдения за всем происходящим в нижнем ярусе.

Надо сказать, что значительная часть моего раннего детства связана именно с русской печью. Здесь так сладко спалось на теплых, застланных старыми дерюжками кирпичях. Здесь были прочитаны мои первые книжки. Здесь, прижавшись к худенькому бабуниному боку, я слушала ее страшные байки на ночь (о них отдельный разговор!). А какой обзор открывался отсюда на те действия, которые разворачивались там, внизу. Взять, к примеру, хотя бы дяди Сашину свадьбу. Разве смогла бы я во всех деталях рассмотреть и жениха с невестой, и гостей, и все происходящее, если бы не это выгодное зрительское место – на печке?

Вот и теперь я вновь заняла свой пост внизсмотрящего и стараюсь ничего не пропустить из того, что делает бабуня. Но помимо своей воли задремываю: полутьма и прохладная тишина все-таки сделали свое гнусное дело.

Просыпаюсь от условного стука в окошко. Это мама пришла из Таловой, где мы с ней и с папой, сотрудником районной газеты, живем. А у бабуни это я так, в гостях. Но гость я довольно частый, если не сказать больше. Благо, поселок Высокий, откуда мы все родом, – и мама, и папа, и я, – в четырех километрах от моего «постоянного» места жительства. Вот мама и пришла, чтобы забрать меня домой, а может, просто повидаться. Или по делу какому наведалась. И, зная бабунины хитрости, не поверила, что нас нет дома – постучала в окно. Я слезаю с печки и бегу вместе с бабуней открывать дверь. Мы впускаем маму в наш таинственный полумрак, и бабуня вновь накидывает на дверь засов.

Мама бурно радуется нашей встрече, начинает тискать и целовать меня, о чем-то громко спрашивает. Но я, слегка отстранившись от нее, степенно и укоризненно шепчу:

– Мама, тише: бабуня самогон гонит!

Следует немая сцена, а потом мама и бабуня заходятся в хохоте.

Небольшая справка для несведущих: самогонование ох как строго каралось законом в 50-е годы! Но нет такого закона, который бы не удалось обойти русскому человеку. Хоть с опаской, со всяческими предосторожностями (пример тому подготовительные действия моей бабуни), но самогон люди гнали. Разве ж водки напасешься: у кого свадьба, у кого поминки, у кого «вхожая» – то есть новоселье. Вот и моя бабуня, соблюдая конспирацию, иногда нарушала монополию государства на производство спиртных напитков. Но, благодаря моим рано проявившимся аналитическим способностям, была посрамлена в своем стремлении скрыть криминальное деяние под маской невинного созидательного труда на благо развития животноводства. Вот только на всю жизнь остался неясным вопрос: чем же накормили в тот день бедного телянка? Ведь он так и не дождался обещанного пойла...

Сундук

Бабунин сундук. Он стоял в углу комнаты, занимая немалую ее часть. Угрюмый, тяжелый, с коваными углами и фигурными чугунными ручками по бокам. Такой огромный, что казалось, в нем вполне можно было жить. Но пожить там, или хотя бы спрятаться, или поиграть пусть недолго, пусть чуть-чуть, – никак не получалось: на большой-пребольшой скобе висел большой-пребольшой (под стать самому сундуку) замок, ключ от которого бабуня хранила в каком-то надежном месте – может, в кармане фартука («хвартика», как она говорила), может, в «горнушке» (выемке в стене вроде полочки) над печью. Во всяком случае, место сие было недоступно нам, внукам. И оттого, что сокровенная тайна сундука так тщательно охранялась, она была особенно притягательна. Что же там, под этой крышкой, которая не оставляла ни даже узенькой щелочки, ни малейшей надежды заглянуть внутрь? Да и можно ли было что-либо разглядеть там, в душной темной утробе этого мастодонта? Но до чего ж хотелось...

А тайна у этого сундука действительно была. Была у него и своя собственная, как и у его хозяйки, нелегкая судьба...

...Как только в семье нарождалась девочка, мать с отцом сразу начинали собирать ей приданое. Казалось бы, что в те нищенские времена можно было отложить на будущее? Ну отрез ситчика или сатина, головные платки – простенькие, тоже ситцевые. Ну наволочку с простыней. Если удастся, то отрез кашемира на юбку или сарафан. Ближе к брачному возрасту дочери – ватное стеганое одеяло, которое женщины шили сами. Покрывало на кровать, накидки на подушки, подзоры, вышитые местными мастерицами, тоже, аккуратно сложенные, дожидались в сундуке своего часа. Вот и получалось, что за 16-18 лет все-таки какое-никакое приданое скапливалось. Да на свадьбу молодым чего-нибудь надарят-накидают.

Причем с дарами порой бывало так. Принесет тетка кусок ситца или сатина, положит во время свадьбы на стол, чтоб, значит, не стыдно было перед молодыми и остальными гостями. И шепчет на ухо матери невесты: «Ты уж не сердчай, я опосля заберу лоскут назад: позарез самой надо – дочке кофту сшить». Забирай, что тут скажешь... А некоторые подарки кочевали с одной свадьбы на другую, как неразменный купон, – вроде входного билета. Их все время передаривали. И до того иной раз матерьяльчик замызгается, что аж лоснится. Ну да кто там будет во время гулянки особенно приглядываться? Положили – и слава богу, стодится на что-нибудь. Если, конечно, задержится у новой хозяйки.

С сундуком, в котором лежало накопленное приданое, и с нарядно убранной постелью невеста въезжала в дом жениха. Все надаренное на свадьбе присовокуплялось к этому «добру». И все ценное, что наживали за жизнь муж с женой, опять же оказывалось под замком в заветном сундуке. По мере надобности вещи извлекались из своего хранилища, постепенно изнашивались и, опять же по мере возможности, сменялись другими. Так, наверное, было и у моей бабушки. Как у всех. И все-таки этот сундук был особенный. И вот почему: пришлось ему постранствовать, поскитаться по разным углам, пока он не обрел постоянную прописку в бабуниной избе.

...Бабушка моя, Софья Яковлевна, родилась в 1900 году. Это по паспорту. А по преданию, – в 1898 году. Где тут правда, – история умалчивает.

Кроме Софьи, у родителей было еще три дочки – одна сестра старше ее, а две – моложе. Семья жила впроголодь, хлеба не наедались. Голь перекатная. А тут еще беда: умирает отец семейства Яков Поликарпович. Мать, Анна Васильевна, остается с четырьмя крошками на руках – от четырех до семи лет. Ой, горюшко горькое! Как жить, чем детей кормить?! На девочек тогда ведь даже наделов земли не нарежали, только на мальчиков. А девкам что же, остается только с голоду помирать? И тогда свекор, Поликарп Степанович, решает выдать сноху замуж. Младшую дочку

Анна Васильевна взяла с собой в новую семью, а остальных дед Поликарп, или Поликан, как его все звали, оставляет у себя на воспитание.

Дед был человек по тем временам небедный, имел лавчонку. Так что вполне мог прокормить сирот. Рассуждал он, видно, так: конечно, это лишние рты, но зато и помощницы будут в доме. Так оно на деле и вышло. Пришлось девчонкам с малолетства работать и на своем подворье, и в поле, и в чужих людях. И няньками были, и прачками, и кухарками...

Внучки подрастали. Вот уже и заневестились. Крепкие все, статные, на лицо – загляденье, кровь с молоком. Стал Поликан их замуж раздавать. Да все норовил каждую подороже с рук сбыть: «Иди за богатого, с голоду не помрешь. Чего-о-о? Не мил? Привыкнешь. Охлабается». Крут характером, властен был дед. С таким не поспоришь. Девка покричит, повоет, да делать нечего. Не она первая, не она последняя... Ладно еще, если муж хорошим человеком окажется. А если пьяница да буян? Сколько в России таких загубленных женских судеб! Не счесть...

Настал черед и моей бабуне замуж выходить. Пришли к ней свататься из зажиточной семьи. Она в рев: «Не пойду!» – А дед ей: «Ишь ты! Не пойду! Да кто тебе спрашивая? Цыц!» В общем, силком вытолкнули за немилото. Дед при этом не остался внакладе: получил за невесту хороший выкуп. В общем, провернул выгодную сделку. А и то: зря, что ли, столько лет кормил?

И вот отправилась наша горемычная вместе со своим сундуком к постылому мужу в дом – в соседнее село Озёрки. А новая-то родня не нарадуется на сноху: здоровая, работающая да еще и первая красавица на селе. Смотрите, люди добрые, завидуйте! Эх... Никто им, сердешным, тогда не шепнул: «Рано радуется. Ох рано! Не знаете, чем вам эта «счастливая находка» обернется, чем аукнется!»

Да, не знали-не ведали тогда ни молодой муж, ни свекор со свекровью, что заполучили они вместе с молодкой мину замедленного действия. Да, собственно, не такого уж и замедленного:

совсем недолго была Соня в семье немилого мужа. Жить с ним не хотела ну ни в какую! Хотя парень-то, судя по всему, был все и неплохой – самое главное, добрый. Может, даже чересчур. Мягкотелый какой-то, безвольный, безропотный. Ляжет, бывало, с вечеру рядом с молодой – а она от него! И близко к себе не подпускает! Забьется на печь или в угол, за сундук спрячется. А когда муж заснет, она на постель потихоньку воды и подольет. Утром пеняет родне: глядите, сынок-то ваш с «покором» (с недостатком, то есть), увечный! Парень-то, если бы был характером пожестче, поглубе, так заехал бы жене в ухо. За такой поклеп и не грех, Господи прости! А он лишь помалкивает да сопит. Может, был не уверен в себе... Вдруг и правда с сонным конфуз приключился?

А вскоре и вовсе молодуха сбежала от мужа – к деду. Да только напрасно: не рад был родный дедуня этой встрече.

– Ах ты ж паскуда! Деда срамить?! От своо мужика нос воротить?! И куды теперь тебе девать? Ни девка, ни вдова!

Кроме стыда, была и еще одна причина для дедова гнева: за внучку-то деньги получены, и немалые. «Чё же, вертать их, чё ли?» – так, видно, рассуждал Поликан.

А посему схватил Соньку за косы – да в телегу! И повез назад, к мужу. Раз хлестнет кнутом лошадь, раз – внучку. Со всей своей дурной силы. И так всю дорогу. И ведь не дрогнуло сердце ни разу! Какое там! Это еще милость, могло быть и хуже. Тогда ведь какой закон был (хоть и неписанный, но незыблемый)? Если случалось, что жена сбежала от мужа или изменяла ему, то, поймав нарушительницу семейных канонов, ее привязывали к лошади, задирали непокорной бабе подол на голову и в таком непотребном виде таскали по селу – на позор. Чтoб другим не повадно было так же поступать, ежели что. Бедная бабенка между тем уже и из сил выбьется, а лошадь тащит ее за собой волоком. Бывало, и до смерти так замучают бунтовщицу. Что, отдала богу душу? Ну, значит, так тому и быть. Считай, испустила свой грех...

...Водворили Соньку на законное место, да только опять ненадолго. Так случилось, что жила в Озёрках вот так же, с немилым мужиком, Сонькина односельчанка. Не то чтобы близкая подруга, а скорее друг по несчастью. Сблизились они на почве «классовой» ненависти к постылым мужьям. И сговорились в следующий раз бежать вместе.

На этот раз собирались обстоятельно, уже не абы как, а с вещами. А значит, верили, что навсегда... Вот тут-то вновь появляется на сцене бабуниной жизни ее верный спутник – сундук. Ох и отчаянные же оказались девки! Сумели как-то не только сами переправиться по реке на другой берег, но и сохранить свое драгоценное приданое. А как же? Кто им где что приготовил? Кому они, бедолаги, нужны с такой-то позорной славой, если даже родные от них отвернулись?

Хорошо, хоть чужие люди не дали пропасть, не побоялись – попрятали «преступниц» по домам. Но следом за беглыми женами примчалась погоня. Устроили в Озёрках тотальный обыск. Бабуня моя спасалась на «потолке» (на чердаке дома) за снопами конопли. Так ведь и там все обшарили!

– Сижу в углу, за коноплями, ни живая ни мертвая, дышать боюсь. А они вилами ширяют наскрозь... Но ни разу не попали. Ежели б нашли – растерзали б. Как тока Господь уберег? И не знаю...

А что же с сундуком? Он тоже, к счастью, остался цел. Спасибо добрым людям: не проболтались, не выдали беглянку с ее имуществом.

Но не будешь ведь век хорониться на «потолке». Сколько ни сиди, а когда-то слезать надо. Осторожно высунулась Сонька на улицу, а тут как раз идут по дороге какие-то военные. Смекнула: непростые это люди. Видать, из района – начальство. Кинулась к ним:

– Спасите, люди добрые! Заступитесь! Меня дед силком замуж выдал, а я сбежала!

– Ух ты! Вот так молодчина! Наш человек! Правильно! Теперь все вольные. Живи с кем хочешь, никто тебя насильно держать не должен. Закон нынче иной. Зря, что ль, революцию делали, за свободу воевали? Не бойся, девка, никого! А ежели что – жалуйся. Виновных накажем, не сумлевайся!

Оказалось, что в те дни и правда вышел указ об освобождении женщины от семейного рабства. По городам и весям ходили, как бабуня их называла, «глашатаые», которые разъясняли темным людям их права. Вот было радости! Как вспоминала бабушка, в селе в этот год больше двадцати женщин, отданных замуж против их воли, ушли от своих мужей.

...И вот Софья наконец вместе со своим сундуком прибыла в родной поселок Высокий. Стала жить не то у тетки, не то еще у какой-то родственницы. Дед Поликан уже не смел, остерегался трогать строптивную внучку. Тоже, видать, просветили его на счет закона-то. Присмирел.

А вскоре бабуня вышла замуж за моего дедушку Еремея Даниловича Воронина. Теперь уж по любви...

Сундук же – свидетель, а где-то и соучастник бабуни в событиях ее бурной жизни – занял свое почетное место в избе. Вот и во времена моего детства он стоял тут неприступной крепостью, вызывая неумное любопытство.

И ведь все-таки он настал, настал тот упоительный момент, когда мое ожидание было вознаграждено: сундук открыл свои сокровенные тайны.

...Как-то бабуня решила в жаркий летний день просушить проветрить имущество, которое хранилось под замком. Ну а шустрая внучка тут как тут! И вот поднята тяжелая крышка... На внутренней ее стороне прикреплены две бумажки – скорее всего, это метрики – одна бабунина, а другая дедушкина. Читать я начала с четырех лет, и поэтому понимаю из написанного, что бабушка родилась в 1900 году, а дедушка в 1902-м. Выходит, дед Еремей Данилович (которого я никогда не видела: он не вернулся с войны) был моложе бабуни на два года. Ду-

маю теперь, почему же он взял в жены именно ее, разведенную женщину, да еще и старше себя? Наверняка в поселке хватало молодых незамужних девок. Уж этого добра всегда в избытке! А он выбрал нашу бабуню. Может, потому, что она была красавицей? Да ведь и дед, судя по фотографиям и воспоминаниям родных, был весьма недурен: худощавый и подтянутый, русоволосый, с ясными серыми глазами. Черты лица правильные и приятные. Они с бабуней подходили друг другу. И не только по внешности, но, как видно, и по характеру. Жили-то душа в душу. В любви родились и восемь их детей. Правда, взрослого возраста достигли не все, а лишь пятеро...

А вот на крышке сундука фотокарточка, где сидят они вдвоем – молодые и красивые. Спокойные, степенные. И счастливые. Счастливые! Несмотря на бедность и житейские невзгоды. Пока они еще вместе. Пока еще война не разлучила их...

Бабуню я о дедушке не спрашивала, но знала, что она все годы после войны ждала его: похоронки-то не было. А лишь извещение, что «пропал без вести». Но пропал – это ведь не значит, что погиб. Пропал – это еще может и найтись, всякие случаи бывали... Вот и она ждала и продолжала его любить...

А он, Ерёмка (так его все звали в поселке), был человеком тихим, мягким. Никогда не то что руку не поднял, а даже голоса не возвысил ни на жену, ни на детей. Однако доброта и мягкохарактерность деда порой переходили разумные границы. В воспоминаниях моей мамы (уже значительно позже того момента, который описываю) прочитала: «Зная честность и порядочность отца, председатель колхоза решил назначить его кладовщиком. Дескать, этот не разворует колхозное имущество. Отец согласился. И это могло закончиться для него плачевно. Не зря говорится: «Простота хуже воровства». Сам-то отец в жизни чужого не брал и детей учил тому же: «Как бы ни было тебе мило, а проходи ты мимо». Но в поселке всяких людей хватало. Были и такие, что приходили к отцу на склад и под шумок прихватывали то одно, то другое. Хотя и воровать-то было почти нечего:

хранилось там немного зерна, чуток сахара-песку да еще, может, какая мелочь. А отец в силу своего характера не мог противостоять напору наглецов. На этом месте нужен был человек более жесткий.

Предчувствуя беду (ведь недолго было и под суд загреметь за чужие грехи!), мать пошла к председателю колхоза, кинулась ему в ноги: «Осlobони мужика, переведи на другую работу!» Слава богу, обошлось, уважил председатель ее просьбу...

После этого назначили отца садоводом-огородником. В его обязанности входило добывать для колхоза семена, саженцы. Да и посадкой тоже ему приходилось заниматься самому. А мы, дети, помогали ему. Лесополосы, которые и по сей день зеленеют вокруг поселка, – это дело рук моего отца.

А еще он был хорошим пчеловодом. Когда качал мед, на угощение сбегалась детвора со всей округи. Это был для всех маленький праздник.

Вообще, несмотря на тяжелую жизнь, в нашей семье находили время и для веселья. В доме всегда была балалайка. В свободную минуту – по праздникам – батя играл на ней и припевал, а мы – и свои, домочадцы, и соседи-родственники – плясали что есть мочи».

Есть на крышке сундука и еще одна черно-белая, а точнее, желтовато-серенькая выцветшая фотокарточка. На ней дед уже фронтовик, в военной форме.

Хранилась здесь еще и перевязанная веревочкой пачка писем. Но мне их читать не довелось ни тогда, ни после. Куда они потом подевались, неизвестно.

...Бабуня начинает доставать из сундука отрезы материи. Неужели это еще те – свадебные – дары? Да нет, вряд ли... За всю-то жизнь они должны были смениться новыми. Бабуня вывешивает их на веревке, натянутой через весь двор. От солнышка и ветерка ткань высушивается до легкого шуршания. А затем опять занимает обжитое место в своем обиталище.

Ну же, ну, бабуня! Давай, давай дальше! Что там еще интересного кроется на самом доньшке? Бабуня, задвигая в угол сундука тапочки и еще какую-то мелочь, вытаскивает светлое, довольно неприглядное (похоже, домотканое) полотно. Тоже мне, красота великая. Было бы что прятать.

– Бабунь, а это что такое?

Бабуня смущенно посмеивается:

– Это, дитенок, саван...

– А что это – саван?

Бабуня отмахивается от меня и уходит во двор вывешивать непонятную тряпицу. Уже значительно позже я узнала жутковатое значение этого слова и подивилась: ведь бабуня была тогда еще совсем не старой женщиной. В теперешние-то времена она могла бы еще ого-го что вытворять. А вишь ты, она уже тогда готовила, как это называли старухи, «смертное»... Вот такая простая диалектика получается. Взросление, старение, смерть. Меняются люди, меняются вещи... А бабуня, к слову, прожила долгую жизнь – восемьдесят семь лет, то есть больше тридцати лет после того погожего дня, когда немудреное содержимое сундука впервые предстало перед моим любопытным детским взором. Пригодился ли тот саван из простого грубого полотна, или был он заменен другим, более современным? Не знаю. Бабуню мне, к сожалению, не довелось проводить на погост: не с кем было в то время оставить тяжело больного отца.

Но вернемся к герою нашего повествования. Сундук, надо сказать, – это не только хранилище деревенских ценностей. Сундук – вещь универсальная, незаменимая в хозяйстве. На нем можно, к примеру, сидеть. А можно даже и спать. Припозднится, бывало, какой-нибудь гость и тут же, подложив под голову фуфайку, на сундуке и заночует под бабунины ночные байки. Дело житейское!

За сундуком удобно хорониться, когда играешь с ребятишками в прятки.

Еще на этом сундуке, помнится мне, пеленали младенцев – моих младших двоюродных братьев и сестер. А в свое время, должно быть, и меня. И значит, причастен он не только к бабуниной судьбе, но и к моей тоже.

...Давно нет на свете моей дорогой бабуни. Ушел в историю и ее вечный спутник – сундук: вытеснен полированными полками и шкафами. А жаль... Сколько еще семейных тайн унес с собой их молчаливый хранитель?

Плоды просвещения

«Аня, детка! Ты к нам собираешься? А то Нюрка с Машкой про тебя спрашивают. Приезжай, будете вместе на «улицу» ходить.

Корова наша отелилась. Молоко хорошее, жирное. На огороде белый налив поспел, а в палисаднике – груши. Очень сочные. Падают, разбиваются. Некому собирать, все в поле. Приезжай поскорее».

«Аня, детка! Мать пишет, ты плохо ешь, аппетиту нету. Аня, ведь ты у нас красивая, как картинка. Только худая дюже. Поправиться тебе надо. Аня, запомни: жир красит человека!»

«Аня, дитенок! Не убивайся ты так по этому паразиту. Тебе тяжело, а ты не показывай виду, ходи гордая. Говори всем: да я об этом говну и шапки не мну! Аня, детка! Попомни мое слово: этот муж у тебя не последний. На твой век мужиков хватит. Зима не лето, пройдет и это».

Читаю бабунины письма, датированные разными годами. Послания из прошлого, написанные как будто детскими каракулями. С множеством ошибок (пришлось здесь слегка «пригладить» стиль), но зато написанные бабуней самостоятельно, чем она чрезвычайно гордилась: не все старухи в поселке были грамотными, приходилось им кого-нибудь просить, чтоб написали письмо. А у бабуни были за плечами три класса церковно-приходской школы, которые она осилила еще в начале 20-го века. Бабушка наша плохо-бедно умела писать, читать, знала азы арифметики. И это было большое дело: она всегда была «на связи» со своими родственниками. С удовольствием читала газеты и книжки. А устный счет необходим был в магазине и на рынке. Чтoб не обманули!

Когда я гостила у нее (а в детстве такое бывало частенько), наблюдала такую картину. Управившись с делами, бабуня брала тетрадный лист, химический карандаш и садилась за стол писать

письма своим городским дочерям – моей маме в Воронеж и тете Лиле Бочарниковой в Калининград. Писала долго, то беззвучно шевеля губами, а то и вслух обсуждая что-то сама с собой.

Мы в городе всегда с нетерпением ждали бабуниных весточек. Она обстоятельно описывала состояние дел на огороде и в саду, детально излагала деревенские новости и сплетни. А также учила жизни своих давно выросших дочек и подрастающих внуков. Советы ее были весьма специфическими (см. выше). Читая их, мы порой снисходительно усмехались: дескать, ты, бабуня, давно отстала от жизни. Но она не прекращала своих попыток наставлять нас на путь истинный. Ничего тут не попишешь: таков закон жизни. Теперь-то, когда сама стала такая, я это понимаю: ох грешна, люблю повоспитывать окружающих. Бабуношка, милая! Как же не хватает сейчас твоих наивных и, как тогда казалось, бесполезных поучений! А оказалось, что польза-то была, была, как ни крути! Только поздно мы это понимаем. Теперь дорого бы дала, чтобы уткнуться в бабунино худенькое плечо... И чтобы она гладила и успокаивала: «Ничего, дитенок, ничего. Зима не лето, пройдет и это...»

...С весны до осени у бабуни, как у всех в деревне, был напряженный огородно-садовый сезон. Она то что-то сеяла, то полола, то копала. Бабушка хорошо умела прививать деревья. И даже мне, девчонке, объясняла, как это делается. Опять же – если бы это было сейчас, может, я бы применила эти навыки на своей даче. Но увы... А у бабуни на огороде, помню, было дерево: с одной стороны на нем яблоки, а с другой груши. Удобно!

Так вот, летом бабуня была занята на своем участке. Зато зимой могла гостить у дочерей – то у нас в Воронеже, то у Бочарниковых в Калининграде. За это время наша щупленькая бабуня подлечивала свои болячки, немного округлялась, морщинки на лице расправлялись. «Я тут у вас как на курортах, – говаривала она. – Оттого казак и гладок, что поел да и на бок».

Еще одним «полезным приобретением» было то, что за отпускной период бабуня успевала нахвататься городских выржений от своих товарок во дворе. Да и телевизор опять же

вносил свою лепту. Посмотрев днем какие-то передачи, вечером бабуня пересказывала их нам – в своем осмыслении, с собственными оригинальными комментариями. И это надо было слышать! Мы незаметно переглядывались и посмеивались. Ну бабуня, ну великий интерпретатор действительности! А какими словечками сыплет!

Еще бабуня повышала свой культурный уровень за счет чтения книжек. Ляжет, бывало, на диван, нацепит на нос свои очки с поломанной дужкой – примет профессорский вид. В руках томик Достоевского, Толстого, Чехова... И читает, шевеля при этом губами и отпуская попутные замечания. Не все, конечно, ей нравилось, не все она могла осилить до конца. Но были у нее и любимые авторы. Например, Стефан Цвейг. Его она читала с упоением. Особенно впечатлила нашу бабуню «Мария Стюарт». Уж очень уважала она королеву за сильный характер. А как сокрушалась над ее трагической гибелью! Запала в душу Мария, не отпускала нашу бабуню, и все тут!

Однажды бабуня по своему обыкновению коротала зиму в городе, на этот раз у Бочарниковых. Дело было, наверно, в конце 60-х годов. Тогда в моду стали входить макси-юбки и длинные платья. И вот моя двоюродная сестра Раиса, которой в ту пору было лет двадцать, сшила себе такой модный наряд – как сейчас говорят, «в пол». Примеряет она обновку, крутится у зеркала, прохаживается по комнате. Высокая, статная, натуральная блондинка с голубыми глазами. Волосы распущены по плечам. Чудо как хороша! Мать и бабушка с восхищением наблюдают эту картину. И тут бабуня выдает такую тираду:

– Рая, какая ж ты красивая! Ну истинная Мария Сюртук!

Ну что тут скажешь? Не пропали, значит, даром для бабуни городские каникулы. Что ни говори, а образование – великое дело!

Байки на ночь

– Это ты в нашу бабуню пошла, – делает вывод Раиса, двоюродная сестра, читая мои незрелые сочинения. – Она была знатная рассказчица. Помнишь ее байки на ночь?

Еще бы не помнить!

...Нас, внуков, было у бабуни Ворошиной десять. Не все жили вместе с ней, но, бывало, собирались по каким-либо случаям. Городские внуки приедут, да Гридневы придут ночевать, да соседские ребяташки за компанию останутся. Глядишь, и набралась полная хата.

В деревне раньше ложились рано – как говорится, вместе с курами. Те – на насест, и люди, управившись с делами, – на ночлег: завтра-то вставать в четыре утра. И вот с наступлением сумерек бабуня, сняв свою дневную одежду, остается в исподней рубахе. Платок она тоже снимает с головы, освобождая из плена две жиденькие косицы, подвязанные сзади крест-накрест. В молодости у бабуни, когда она была еще крепко сбитой краснощеккой девицей, и коса была соответствующая – длинная, толстая и увесистая. Но за жизнь коса поизносилась вместе со всем бабуниным организмом, и теперь уже – чего греха таить? – похвастаться нечем. В наши-то дни, такую «красоту» вряд ли кто хранит: постригся, и готово! Но в те времена бабуня, видя стриженую девку или бабу, отворачивалась и тайком плевалась:

– Срамотища! Голова толкачом, ноги рогачом! Чисто мужик!

Поэтому у бабуни голова не толкачом, а аккуратной тыковкой с пробором посередине. И косицы на месте: древний ритуал соблюдается неукоснительно.

Бабуня уже разделась для сна, но все еще ковыляет по хате, заглядывая то в печь, то за двери, то под широкую «суднюю» (посудную) лавку. Что же это она потеряла?

– Ну-ка, детки, загляните под койку: кудый-то я свою юбку задевала, найти не могу!

Мы, откинув одеяла и «подзоры», по-пластунски лезем под кровать:

– Не, нету, бабунь!

– А, ну ладно, ладно...

Бабуня успокаивается, вроде и юбка ей уж больше не нужна. А все дело в том (эту бабунину хитрость мы постепенно раскусили), что это был обязательный ночной дозор: так она проверяла, не затаился ли где в доме «тать ночной» – бандит с большой дороги, который днем прокрался в дом и дожидается, когда все поснут, чтобы поживиться хозяйским добром и попить свежей кровушки. Э-э-х! А добра того и было-то что юбка, которую искали-искали да так и не нашли, да, может, пара кофтеночек.

– Бабунь, да что у тебя брать-то? Разве что тебя саму? – подтрунивали мы над бабушкой уже позже.

– А хоть бы и мене: унять в лесок...

– И что дальше?

– А то! Вы ишшо глупаи, ничего не понимаете! Лишиться бабки-то, тогда узнаете...

...Но вот уже все приготовления ко сну закончены, бабуня укладывается на полатах, и мы – вповалку там же. И тут начинается ежевечернее действие.

– Бабунь, расскажи сказку!

– Сказку? Да я уж вам все рассказала, боле не знаю.

– Ну еще одну! Ну пожалуйста!

– Ладно, слушайте.

И бабуня затягивает одну из своих бесчисленных баек. Да выбирает на ночь какую пострашнее, пострашнее! Вот такую приблизительно:

«Жили-были в одной деревне мужик с бабой. И было у них пятеро детей, мал мала меньше. Уезжают родители на базар, а детям дают наказ:

– Из дома никуда не выходите, к себе никого не пускайте, пока мы не приедем.

И уехали. Тут постучались в дом чужие люди. И стали прельщать детей конфетами да пряниками. Ну те и открыли дверь.

Вернулись родители домой, а там двери настежь, а самого младшего мальчонки нету. Украли!

Дня через три опять родители поехали на базар. Когда возвращались домой, зашли по дороге в харчевню пообедать. Подали им там холодец. Стали они есть. Глядь, а из холодца детский мизинчик торчит!»

Жуть! Или вот еще:

«Однажды мать с отцом ушли в поле работать. А их дочка осталась дома одна. Родители приказали ей никому не открывать.

Вдруг в дверь постучали.

– Кто там? – спросила девочка.

– Девочка, а девочка! Открой дверь! Я тебе конфету дам, – слышался голос из-за двери.

Девочка не открыла: конфеты у нее были свои.

Тут опять постучали в дверь, еще сильнее:

– Девочка, а девочка! Открой дверь! Я тебе дам халвы!

Девочка не открыла: от халвы у нее болели зубы.

И в третий раз стук в дверь. И опять голос:

– Девочка, а девочка! Открой дверь! Я тебе дам пастилы!

Тут девочка не устояла и открыла дверь. А там – гроб на колесиках! Черный-пречерный! А в гробу – скелет!

Девочка испугалась, стала спрятаться. Залезла под стол. Вся сжалась, чтобы ее не было видно. Но скелет нашел ее и утащил на кладбище».

Но это я здесь, так сказать, вкратце изложила содержание баек. А бабуня рассказывает их долго, не спеша, перемежая повествование то зевками, то похрапыванием, то причмокиванием. Мы то и дело толкаем ее в бок и призываем к порядку:

– Ну, бабуня! Не спи! Что дальше было?

А когда рассказ подходит к концу, ужас своими холодными пальцами начинает шарить у нас под дерюжкой, которой мы все по-братски укрыты. Мы жмемся друг к дружке и к бабуне, иногда потихоньку взвизгивая от прикосновений соседа:

– Ой, кто это?! Мама!!!

Бабуня довольно хихикает и одергивает нас:

– Все! Теперь спать, а то завтра никаких сказок!

Мы постепенно замолкаем, успокаиваемся и засыпаем, периодически вздрагивая и вскрикивая во сне.

На следующий вечер повторяется то же самое. Нужно сказать, что на бабуниных байках выросло не одно поколение поселковых детей. Сначала это была моя мама, ее братья-сестры и друзья-подруги: приходиться на ночевку к родственникам и знакомым было привычным делом. Потом были мы, внуки. И, наконец, правнукам бабуни тоже досталось: бабуня жила довольно долго – восемьдесят семь лет – и много чего успела за отпущенный срок.

Бабуня, сама всегда боявшаяся темноты, всякой сказочной нечисти (типа домового) и реальных, но лихих людей, поселила этот страх и в душах вверенных ей детей на всю оставшуюся жизнь.

Встречаясь, уже выросшие бабунины «вольные слушатели» посмеивались:

– А помнишь тетки Сонины байки на ночь? Мой мужик с краю ни в жисть спать не ляжет. Да и я до сих пор темноты боюсь, на двор ночью одна ни за что не выйду!

И то правда, как выйти? А вдруг там гроб на колесиках?!

Родня

Сашка

В самом конце августа мне приснилась покойная бабуня. Была она энергичная, властная, как Васса Железнова. Совсем не похожая на ту слабенькую, сгорбленную и почти бестелесную старушку, какой запомнилась перед своим уходом. В моем сне бабуня командовала окружающими, отдавала какие-то распоряжения. И под конец сказала:

– Я к вам Симу пришлю.

Сима, Серафима – моя тетя, мамина младшая сестра, теперь уже тоже покойная. Проснулась я с тяжело бухающим сердцем и с ощущением грядущей беды. Беда уже подала знак, она уже в пути, но мы пока еще не встретились с ней, как поезда, мчащиеся навстречу друг другу из пункта А и пункта Б по одной и той же колее. Этот миг еще не наступил, но столкновение неотвратимо. Такое было чувство.

Сон не давал покоя. За кем же бабуня пришлет Симу? Не за мной ли? Дня три я жила в мрачном настроении. По улицам передвигалась с предельной осторожностью: не угодить бы под машину. В подъезд заходила, озираясь: а вдруг маньяк? И без молитвы спать не ложилась (грешна, не всякий раз так поступаю: воспитана на историческом и диалектическом материализме, и не моя в том вина).

Но минули эти три дня – после моего гнетущего сна, – и я стала успокаиваться: слава богу, ложная тревога. Первого сентября пришла домой с размягченной душой, умиротворенная: праздник все-таки – новый год, хоть и учебный. Торжественное собрание, напутственные речи первокурсникам, веселые табуны беспардонных студентов в коридорах. Посторонитесь, дайте же пройти преподавателю, негодники! Какое там!.. Бурление и жизнерадостный хаос во всех закоулках нашего большого дома. Дома, который зовут Журфак. Ох и люблю же я всю эту суматоху!

Вот в таком приятном расположении духа я пребывала, когда раздался телефонный звонок. Мама тихим голосом, не предвещающим ничего хорошего, произнесла:

– Сашка умер.

– Какой Сашка? – не сразу поняла я.

– Воронин. Звонили из поселка, завтра похороны...

Дядя Саша?!..

Вот оно, все-таки настигло. Все правильно. Что называется, «предчувствия ее не обманули»...

...Эх, дядя Саша, дядя Саша! В моей судьбе, он был одним из самых главных людей. Приезжая на лето к бабуне, я фактически все время жила в его семье. На веранде их дома, считай, прошло мое детство.

...Я была маленькой, он – молодым. Вспоминается его не по-деревенски тонкое интеллигентное лицо с высоким лбом и мягко очерченным красивым ртом (по типу внешности, мне думается, он был схож с Вячеславом Тихоновым). Серые глаза, волнистые русые волосы. «Ой, чубчик мой, чуб волной, волной...», как пелось в песне тех лет. Губы всегда чуть тронуты легкой, будто застенчивой улыбкой. Жаль, великий Леонардо и мой дядя разминулись в пространстве и во времени, а то художник вполне мог бы писать свою загадочную Мону Лизу не с себя, а с нашего Александра Еремеевича. И получилось бы не хуже. Наш-то получше будет, если честно...

Не одна девка в поселке сохла по нем. Между конкурентками шла глухая борьба за Сашку. А моя мама, по той причине что была его сестрой, даже получила ранение на этой тайной войне. Да вот только ордена, жаль, не дали...

А дело было так. Жила у них в поселке приезжая медсестра Полина. И приглянулся ей наш Сашка (губа-то не дура!). И вот она, не дожидаясь милостей от парня, взяла инициативу в свои опытные руки. Почему опытные? Да у нее до этого почти все поселковые ребята перебивали. Такое вольное поведение неза-

мужней девки было диковинным для деревеньки сороковых-пятидесятых годов прошлого века. Это теперь цивилизация с ее свободными нравами докатилась и до сельской местности. А тогда... Парни к Полине захаживали за известной надобностью, но жениться на ней никому и в голову бы не пришло. В жены брали исключительно честных девушек, иного деревенская община не допускала.

– Ну а эта Полина хоть красивая была? – спрашиваю я у мамы.

– Да какое там красивая! Страшная... Длинная, худая, плоская вся, ровная, как доска, ни задницы, ни груди. Не Полина, а натуральное полено.

И вот эта приبلудная (и блудливая) девица стала домогаться нашего красавца. Было что промеж ними или нет, – это тайна, покрытая мраком. Но, во всяком случае, своей дальнбойной цели Полина не добилаь: серьезных отношений с Сашкой у нее не сложилось. И Полина затаила на него злобу.

Однажды зимой (а зимы тогда были морозные и снежные) моя мама – молоденькая, хорошенькая, румяная – шла по поселку. Тропинка была протоптана между высокими, в человеческий рост, сугробами. На этой узкой дорожке и повстречалась ей эта Полина. И нанесла моей милой, ничего плохого от людей не ожидающей мамочке роковой удар – впилаь зубами в щеку и прокусила ее до крови. У мамы, конечно, шок. Слезы брызнули из глаз – от боли и от подлости человеческой.

– За что?!

– За брата твоего, – последовал злорадный ответ. – Чтоб тебя никто замуж не взял.

Много лет спустя я спрашивала у мамы:

– Ну а дядя Саша что на это? Как отреагировал на этот Полинин выпад?

– Да что, да ничего. Попереживали мы всей семьей. Мать в голос кричала: а ну как девчонка останется увечной? А что можно было сделать? Не пойдет же Сашка с бабой драться.

Это был, наверно, первый (и, возможно, единственный) случай вампиризма в поселке с гордым названием Высокий. А рана от Полининых зубов долго не заживала. Видно, зубы-то ядовитые были у этой гадюки... Но следов от укуса, слава богу, не осталось, и замуж маму еще как взяли.

...Но вернемся к дяде Саше. Мне было года четыре, когда он, отслужив во флоте положенный срок, возвратился в родной поселок. У девок на Сашку разыгрался аппетит с новой силой. Бравый молодец в матросской форме, в бескозырке, «ленты в якорях»... Красавец! Да и характер что надо. Сашка нравом удался в отца: мягкосердечный, спокойный, веселый. Шутник и балагур. А на балалайке как играл! Слушаешь – сердце из груди выпрыгивает. Да за такого парня, кажется, любая бы пошла с великой радостью.

Так вот, значит, молодой моряк после службы возвращался к мирной жизни. Ходил на «улицу» в клуб, присматривался к односельчанкам, к какой сватов засылать. Ну и приглядел одну девчонку. Пошел с закадычным другом Михаилом (который по совместительству в тот момент уже был моим отцом) свататься. И невеста, и родители вроде согласны были. Посидели, распили бутылочку. Договорились о свадьбе. А на следующий день родственники невесты пришли с отказом. Да как же это было возможно?! Отказать такому завидному жениху! Оказалось, что у девчонки уже был парень... И зачем, спрашивается, было голову людям морочить?!.. Ну, как водится, опять попереживали в семье. И стали жить дальше...

Через какое-то время дядя Саша посватался к другой девушке, сыграли свадьбу. И спасибо тебе, Господи, что та, первая невеста отказалась. Иначе не появилась бы в нашей семье тетя Римма. Чужая по крови, она стала всем нам по-настоящему родной и близкой.

...Эх, дядя Саша, Сашка, Саня... У нашей бабуни он был пятым ребенком. Перед ним – четыре девочки (в том числе и моя мама, которая была старше Сашки на два с половиной года).

И после него родились еще трое детей – брат и две сестры. Семья огромная, время голодное. Какой тогда был досмотр за ребятишками? Да почти никакого: родители целый день в поле. Дети росли как трава, предоставленные сами себе и друг другу. Случись какая болезнь – врача нет, нужно ехать с ребенком в район, в Таловую. Не всякий раз была такая возможность, да и не всегда успевали довести. То ли эпидемия какая-то началась, то ли еще что – стали дети в семье умирать. Одна девочка ушла, потом вторая, третья... Горе да и только... После очередных похорон возвращаются мать с отцом и родственники с кладбища убитые, раздавленные... А этот, Сашка, – маленький, голопузый, чумазый – встречает их на пороге, весь в слезах и соплях:

– Вы чё ж это думаете?! Вы это заканчивайте! А то вы нас так всех туда перетаскаете!

Взрослые потеряли дар речи. Да и что тут возразишь? Прав малец, смекнул: чего доброго и до него очередь дойдет – пристроят на вечное поселение на погост. А жить-то охота... Ну как бы там ни было, но с той поры дети перестали помирать. Пятеро из них выжили. Все благополучно выросли, обзавелись мужьями-женами-детьми и дожили до старости. Так Сашка своим волевым решением остановил детскую смертность в семье Ворониных.

Да, в детстве он был парень с характером – норовистый, упертый. Если уж что в голову втемяшится, то хоть святых выноси: ни уговоры, ни угрозы, ни даже порка не помогали. Вот, например, такой случай. Была у Сашки своя, личная, ложка. Он опознавал ее по каким-то признакам. Да где ж это видано?! Откуда ж это в деревне да в те времена такие благородные повадки?! Все было общее, двери не запирались. Соседям понадобится посуда или еще что по мелочи – заходили в хату, брали. А отдавать? Ну это не к спеху. Хозяевам приходилось самим разыскивать по дворам свои вещи. Так вот, Сашкина ложка вдруг куда-то подевалась. Что тут началось! У ребенка истерика, от слез весь опух, но чужой ложкой есть отказывается. А потом и

вовсе пропал куда-то. Ночь-ночь на дворе, а дитя нету. «Саня! Саня!» – искали по всему поселку и свои, и соседи. Все сараи обшарили, и лесок за огородами прочесали, и в колодцы заглядывали. Уже отчаялись совсем, но тут подъехал на тракторе возвращавшийся с поля односельчанин:

– Ваш мальчонка?

– Наш, наш! Где ж ты его нашел?

– Да черт-те где, в логу. Смотрю – топают пацаненок. Один, весь зареванный, несчастный. Спрашиваю: «Ты чьих будешь-то?» – «Ворониных», – говорит. – «Это каких же Ворониных? Ерёмкиных, что ли?» – «Да» – «Ну и куда ж это ты на ночь глядя? Садись лучше в кабину, прокачу». Вот привез, принимайте.

– Ложку мою нашли? – первым делом сурово спросил беглец.

– Да нашли, нашли твою ложку!

– Покажите!

Так с ложкой и спать лег...

За эту Сашкину щепетильность близкие частенько добродушно-насмешливо называли его чистоплюем. Он и впрямь был чистоплотен и в физическом, и в моральном смысле. В жизни не наденет и не возьмет чужого. Правда, когда был совсем маленький, старшие дети втянули-таки и его в одну аферу.

В те времена, как известно, в колхозе работали за «палочки» – за трудодни то есть. За каждый отработанный день ставили в табеле «палочку», а потом из полученного урожая выплачивали пай согласно затраченному труду. Уродится хлеб, свекла, картошка – выдадут мешок зерна и сколько-то овощей, сахара. А не уродится – не обессудьте. В леске на дубах желудей много – ешь не хочу. В голодные годы бывало и такое: собирали желуди, толкли в ступе, добавляли жмых, лебеду или еще что более или менее съедобное, и мать (моя бабуня) пекла из этого теста «хлеб». Мама мне рассказывала: «Эти лепешки не разжуешь, не проглотить. Дерево оно и есть дерево. Слезы катятся, а ты ешь. Больше-то нечего...» Но в тот год, о котором идет речь, выда-

ли в колхозе кое-какие продукты, в том числе и мешочек сахара. Ох уж этот сахар! Предмет детских мечтаний. Родители-то расходовали его экономно, по чуть-чуть – варенье там сварить или в «сок» (то есть компот из сухофруктов) добавить. А так хотелось наесться от пуза! И вот как-то, когда матери с отцом не было дома, старшая сестра Лиля и сподвигла всю компанию ребятишек на преступление: прогрызли они тот мешочек, и стали «сосать» сахар по очереди, пока не насладились им от души. Мордахи у всех замурзанные, липкие. И вокруг мешка сахаром присыпано, как первым снегом. А старшая, заводила, младшим дает наказ:

– Маме ничего не говорите. Саня, слышишь! Не говори маме, что мы сахар ели.

Возвратились родители домой, а Сашка им навстречу, радостный такой:

– Мам, а мы сахар не ели!

Мать захохала, запричитала:

– Анчихристы! Истинные анчихристы!

Но отец вступился:

– Будя тебе, мать! Не ругайся, нехай дети запомнят, как им маленьким сладко было...

И, правда, врезался в память этот «сладкий» день на всю оставшуюся жизнь.

...Из всех братьев-сестер Сашка больше всего был дружен с моей мамой Раисой. А ведь могло этой дружбы не случиться: любимая и любящая сестрица чуть не угробила братца еще в нежном возрасте.

Маме моей было в то время года два с половиной, а Сашке, может, месяц-полтора. Мать (бабуня) хлопотала в хате по хозяйству, а эти двое были на печи. Мальчик, туго спеленатый, перевязанный специальной «свивалкой», лежал на подушке. А старшая сестра сидела рядом и забавлялась чем бог послал, а именно спичками, которые почему-то оказались на печке. Как уж такая

маявка сумела зажечь их – сказать трудно. Но тем не менее. И бросила спичку на подушку с младенцем. Наволочка загорелась, огонь побежал по подушке.

– Паук, паук! – захныкала девчонка.

Сначала никто не придал этому никакого значения: тоже невидаль – паук в деревенской хате!

– Паук, паук! – продолжал ныть ребенок все громче, а огненный «паук» все быстрее бегал по подушке.

– Чего ты? Какой паук? Где паук? – наконец взрослые обратили внимание на плач девочки. Огонь бросились тушить, а поджигательницу скинули с печи, и тут уж ей досталось на орехи: это ж надо, чуть не спалила дом с домочадцами! Но, слава всевышнему, все остались целы... Так Сашка с сестрой, можно сказать, приняли крещение огнем.

В детстве они были похожи друг на друга, как близнецы, и так же неразлучны.

– Цветок, Цветок! Букет, Букет! – это ребятишки в сумерках ищут двух телят, которые не вернулись домой с пастбища. – Да куда ж они запропастились?!

Дети уже совсем сбились с ног и готовы зареветь от отчаяния. Телят не нашли – домой возвращаться нельзя. И тут – вот оно счастье! – едва не налетели на этих двух извергов с ласковыми именами.

– Цветок! Букет! Да что ж вы не отзываетесь?! Вот черти немые! Стоят рядом и молчат! А ну пошли домой, бродяги!

И вот так всегда... Чуть что – гуси отбились от стаи, корова не пришла домой, послать кого-то с поручением надо – мать сразу:

– Райка! Сашка! Бегите!

И эти двое бежали...

Дружба между братом и сестрой не прекращалась всю жизнь. И позже, когда каждый уже жил своей семьей – дядя Саша по-прежнему в поселке, а моя мама в Воронеже, – между ними сохранялась тесная связь и душевная привязанность.

Вот дядя Саша на пороге нашего дома – радостный, смеющийся:

– У нас внучка родилась – Лиля! Сейчас мы это дело обмоем, я домашнего коньячку привез, деревенской закуской!

Потом родился и внук – Саша. Обмыли «копытки» и этому...

Выросли внуки. И опять мне вспоминается дядя Саша, веселый и гордый, у нас в гостях:

– Саша занял первое место на областной выставке картин. А как играет – и на баяне, и на гитаре, и на синтезаторе! Как у кого свадьба – так его зовут. Да в очередь, чуть не в драку! И не только наши. Из других сел приезжают, просят. До чего ж хорошо играет парень!

– Дядя Саша, да ведь есть в кого! Ты ж его маленького учил балалайку держать в руках. Помню, как он брэнчал на ней и сам же частушки пел. Такой потешный был! Вот и доигрался!

Дядя Саша скромно улыбается... Приятно же.

Эх, дядя Саша, дядя Саша! Век бы тебе смеяться да радоваться, но, видно, не судьба. Младшая дочь – Тамара – слегла с тяжелой болезнью, да так уже и не поднялась.

...И вот опять я вижу дядю Сашу у нас дома. Да он ли это? Сгорбленный, осунувшийся, почерневший. В глаза мука и отчаяние. И безответный вопрос:

– Ну почему ж оно так получилось-то с дочкой? Откуда она – эта хворь проклятая взялась?..

Никогда уже дядя Саша не будет так заразительно смеяться, как раньше. Даже на свадьбе любимого внука, когда мы виделись с моим дядей в последний раз, он сидел понурившийся, молчаливый, скорбно-отрешенный и вроде бы в чем-то виноватый.

– Дядя Саша, а давай-ка выпьем за счастье молодых, – обращаюсь я к нему.

– Давай! Чего тебе, Анята, налить? Вот шампанское, вино, водка...

– А нет ли твоего фирменного коньячку? Вот его бы я выпила...

– Да? – дядя Саша обрадовано встрепенулся, засуетился. – Подожди, где-то здесь был, сейчас, сейчас... Вот.

– Ох, и хорош! – говорю я, ничуть не кривя душой. – Магазиновый-то с ним не сравнится!

– Правда? Так ведь на семнадцати травах настоян...

– Дядя Саша, а помнишь, как мы ездили на сенокос в Каменную Степь? Мне тогда было лет пять-шесть, и ты взял меня с собой.

– Да, да, – глаза дяди Саши оживляются. – Ты помнишь, да? Помнишь?

...Я все помню. Как же можно такое забыть? Кажется, это одно из счастливейших воспоминаний моего детства: бескрайнее раздолье, где я, маленькая, заблудилась, как в сказочном лесу, среди диковинных, упоительно душистых цветов. Разогретый воздух, струящийся над заповедной степью. Сладковатый запах свежескошенной травы. И песня, летящая над моей милой родиной:

Ой, чубчик мой,
Чуб волной, волной.
Говорила тебе, милый,
Не гуляй со мной...

Не нарочно

Было у моей бабуни три зятя. Старшего – Данила – она матерински любила. Да и как его было не любить? Бравый мужчина. Примерный муж, кормилец и защитник старшей бабуниной дочери Лили. Высокий, статный. Красавец! Настоящий полковник! Правда, правда, кроме шуток! Участник войны и парада Победы. Герой, одним словом.

Среднего – Михаила – бабуня шибко уважала. Но и чуток робела перед ним. Оно и понятно, поневоле оробеешь: вон какой у Райки муж умный да образованный! Поэт, журналист. Да к тому же большой начальник в области.

А вот младшего зятя, Константина, несмотря на то, что он тоже был бравый и высокий, только малость поплотнее и пошире старшего, теща не то чтобы не любила, но временами маленько недолюбливала. Да, наверно, и было за что. В целом-то Костя был мужик неплохой: простой, трудяга – работал строителем, получал хорошо. Семьянин. Но как выпьет, становится дурак дураком (что, в общем-то, не редкость у нас на Руси). Начинает рубаху на груди рвать, орать да матюкаться. Все чего-то доказывает, хотя с ним никто вроде и не спорит. Никакого угомона на него нету.

– Ну будя, будя, Костя! – и жена, и теща стараются его утихомирить. Но какое там!

– Чаго-о-о!? Мне рот затыкать?! Да вы, бабы, хоть понимаете, хто перед вами? Я ж коммунист! Пердовик! – Слово «пердовик» в дяди Костиных устах звучит несколько двусмысленно, но его это не смущает.

Ну вот видите. Легко ли любить такого? Отнюдь. Это тяжкий крест. Но младшая бабунина дочь Серафима тем не менее в муже души не чаяла. А теща – совсем наоборот. На что Сима обижалась, порой прямо до слез. Ей казалось несправедливым, что у бабуни такое неравноценное отношение к зятьям. Ну да ведь

тещинному сердцу не прикажешь. А особенно бабунино не слишком любезное отношение к младшему зятюку усугубилось после следующего недоразумения (записано мною с бабуниных слов).

Пришлось бабуне как-то ночевать у дочки Симы. То ли по какой-то надобности позвали тещу, то ли так, без особых причин, она оказалась там в гостях. Но не в этом суть. Бабуня так вспоминала этот случай:

– Просыпаюсь я ночью от какого-то топота на дворе. Дело-то было летом, окна-двери раскрыты, все слышать. Собаки брешут, корова ворочается в сарае, у соседей дите проснулось – кричить. И показалось мне, вроде как за окном табун проскакал. И все стихло. Потом опять скачут. И снова тихо. Что за напасть, думаю? Откуда тут лошадям взяться? Вышла потихоньку (чтоб никого не разбудить) на крылечко – разведать. А они, окаянные, бегают вокруг дома друг за дружкой. Симка впереди, а Костя – за ней. Да с топором! И так круг за кругом без остановки. Да молча! Батюшки свет! Чё же делать? Надо ж как-то их остановить, пока кровь не пролилась. И главное, чё такое случилось с Костей-то? Ну известно – горлопан, но чтоб руки распускать – такого никогда не было. Спустилась я с порожек, встала у стены и осторожно так выглянула из-за угла. Тут-то он мне и долбанул в лоб!

– Топором?!

– Да не, врать не стану. Кулаком. Топор-то у него был так, для острастки. Эт он хотел жену попугать, чтоб не бурчала по делу и не по делу.

– Ну а за что тебе-то попало? Ладно, они не поладили. А ты-то причем?

– Дык это он мене с Серафимой перепутал в темноте. А как я заголосила, так он и остолбенел. «Мать! – кричит. – Мать твою! Ты как тут оказалась?! Извиняй, мать, не тебе это предназначалось! Не хотел я... Эх!» Тут Сима подбежала, накинулась на него с кулаками. Ну он и не сопротивлялся. Раз провинился – поучай.

Вот и люби его после этого... Но повторяю, дядя Костя, по большому счету, был добрый и уважительный мужик, даром что слегка с бусырью. Когда требовалось, он не отказывал в помощи по хозяйству ни бабуне, ни братьям-сестрам, ни друзьям-товарищам, как это испокон веков водится в деревне. Сегодня ты мне, а завтра я тебе. А как иначе? Иначе не выживешь.

Помогал дядя Костя и нам. Так, например, когда нужно было построить дачу, он и еще трое маминых и папиных братьев приехали и за несколько дней поставили садовый домик. Работали на совесть, ну прямо как каторжные, до упаду. На ночлег ребят определили на чердак. Постелили матрасы, положили какие-то одеяла-покрывала. В первый вечер дядя Костя раньше всех забрался туда по лестнице, им же только что и построенной. И, пока мама искала подушки или что-нибудь в этом роде, наш «пердовик» уже храпел на всю округу. Глянули, а у дяди Кости под головой мешок с гвоздями! Ну чем не Рахметов?! Не перевелись все ж таки на Руси настоящие мужики!

А что касается дяди Костиного храпа, то от него, как говорила моя мама, аж крыша в доме поднималась. Это, конечно, преувеличение, но не слишком грубое. Спать в одном помещении с дядей Костей получалось не у всех. Тут нужна была тренировка и закалка. В полной мере ею обладала только его жена, тетя Сима. Остальным приговоренным, по несчастью делившим кров с дядей Костей, приходилось, стиснув зубы и заткнув уши, покорно ждать рассвета. А потом бежать, бежать из этих стен, сотрясающихся от могучего, то раскатистого, то залиvistого дяди Костиного храпа! На волю! Куда глаза глядят! Только бы прочь, прочь...

Да это еще хорошо, коли есть куда бежать. А то ж не всегда такая возможность выпадает. Однажды пришлось маминей невестке – жене брата Саши – тете Римме ехать вместе с дядей Костей в одном купе в Воронеж. К слову сказать, это они ехали к нам – за покупками и в поликлинику. Да и просто навестить городскую родню. Поезд был ночной. Проверив билеты, прово-

дница выключила свет. Вот тут-то оно и началось. Собственно, оно бы началось и так, при свете. Какая ему, Косте, разница? Как говорится, только до подушки (а иногда и без подушки, как мы в этом убедились). Наш Константин вырубился моментально. И никакая тяжелая артиллерия, никакая строительная техника – будь то трактор, экскаватор или бульдозер, – даже объединившись в сводный оркестр, вряд ли смогли бы как разбудить дядю Костю, так и составить ему конкуренцию по мощи издаваемых звуков. А купе-то на четверых! Кроме него, спящего, еще трое пассажиров бодрствующих – наша тетя Римма и двое чужих попутчиков. Ох ей, сердешной, и досталось в ту ночь! Мало того, что самой не удалось глаз сомкнуть, так еще пришлось отражать нападки соседей по купе.

– Женщина! Прекратите это безобразие! Заснуть же невозможно!

– Да мои ж вы милые, а я-то тут причем?

– Ну сделайте что-нибудь! Уймите своего мужа!

– Господи помилуй, да он мне не муж вовсе!

– Как это не муж? Не отпирайтесь. Вы вместе садились. Почему мы должны из-за него страдать?

– Дак я ж и сама страдаю!

– А вот это ваше личное дело. Надо было думать, за кого замуж выходишь. Разбудите своего мужика немедленно!

– Ой-ё-ёй! Да кто ж его разбудит?! Это никак невозможно. Теперь уж пока сам не проснется утром.

– Женщина, если это издевательство не прекратится, мы позовем проводника!

– Да зовите! Только и проводник ничего не сделает. Не один такой пробовал. Ни разу не вышло!

Эти слова тетя Римма произнесла вроде бы даже гордостью: вот, мол, смотрите, какие богатыри земли русской возрастают на жирном таловском черноземе! Истинно говорят: «Не можешь изменить обстоятельства – измени отношение к ним».

Вот так, коротая в перебранках ночь, и доехали они благополучно до пункта назначения. И расстались, сильно недовольные друг другом. Всем довольный тут был только один. Нетрудно догадаться кто. Выспавшийся под мерный стук колес и готовый к радостям нового дня, дядя Костя уверенно ступил на воронежский перрон.

Ехать к нам им с тетей Риммой нужно было на троллейбусе остановки четыре. В транспорте народу тьма. Но все же дяде Косте удалось занять местечко у окна. А по летней поре было в вагоне душновато. Вот и вздумалось дяде Косте открыть окно, пустить прохладу в салон. Дело благородное. Начал он двигать стекло – не поддается: заклинило. Но не в дяди Костиной привычке было отступать. Пришлось приложить силу. Недюжинную. Тут-то стекло и не выдержало натиска – хоть и не сдвинулось с места, зато выскочило из пазов и вывалилось на дорогу. Можно представить возмущение водителя и кондукторши. Ох и крику было! «Хулиган» и «деревенщина» – пожалуй, были самые мягкие в характеристике Константина. Прозились ему и штрафом (кто будет платить за разбитое стекло?!), и телесным наказанием (в морду захотел?!), и милицией (ничего, посидишь пятнадцать суток – там тебя научат родину любить!). Тете Римме даже пришлось вступить за незадачливого родственника:

– Люди добрые! Да за что в милицию-то?! Он же не нарочно!

– Знамо дело, не нарочно! Сила есть – ума не надо! Это ж сколько дури надо приложить, чтоб стекло выдавить!

– А чего ж у вас стекла-то не двигаются? Вы их когда в последний раз мыли? А? Да это вас за такую работу надо в милицию. А еще городские!

Тут как раз троллейбус достиг нужной остановки. Наши родные подхватили свои узелки да котомки и – фюить! – в мгновение ока выскочили из вагона, пока и впрямь не замели в кутузку...

– Ох, Райка! Да зачем же я с ним связалась? – начинает причитать тетя Римма, едва переступив порог нашей квартиры. – Да зачем же я его с собой взяла?

– Чаго-о-о? Глядите! Она взяла! А не наоборот ли: эт ведь я тебя с собой взяла! Прицепилась, как репей! Оно и понятно, поди-ка плохо с мужиком-то: есть кому сумки с гостинцами ташшить, – возражает дядя Костя. Вполне резонно, между прочим.

Но постепенно, сидя за обеденным столом, пропустив по стопочке и плотно закусив, наши родственники примиряются, успокаиваются и уже со смехом вспоминают свои приключения. А мама сочувственно им улыбается и кивает головой:

– Ох, мои ж вы бедолаги! А ты, Костя, ну обязательно вяжешься в какую-нибудь историю!

– Чаго-о-о? – начинает было ерепениться дядя Костя. Но, вспомнив, что он не у себя в деревне, а в городе, в гостях, раздумывает бузить и рвать на себе рубаху. Да, видно, и выпито для этого пока еще недостаточно.

Отдохнув с дороги, гости собрались выйти в город по своим делам. Тетя Римма – в платную поликлинику. Хоть и недешево стоит прием – целых пять рублей! – но что ж поделаешь, необходимо показаться городским докторам. А дядя Костя вознамерился повысить свой культурный уровень и посетить Краеведческий музей. На том и порешили. А мама осталась хлопотать на кухне.

Вот уже у мамы и обед на плите стынет, а гостей все нет и нет. Первой вернулась тетя Римма, стала рассказывать о визите к врачу, о магазинах, в которые заходила на обратном пути. «Как же у вас, Райка, тут все дорого! Воды бесплатно не напьешься: надо копейку в автомат бросить!» А дядя Костя что-то подзадержался. Но, слава богу, вот и он звонит в дверь.

– Ну как тебе музей, Кость? – пытаются его мама с тетей Риммой.

– В гробу я видал ваш музей! Лучше б и не ходил туда! Черт меня понес...

– А что так-то? Не понравилось что ли?

Дядя Костя смущенно кряхтит и сокрушенно мотает головой.

– Да что случилось-то?! – обеспокоенно спрашивает мама.

Дядя Костя сначала молчит. Вся его вмиг поникшая грузная фигура выражает скорбь и уныние. Взгляд устремлен в пол. Но женщины стараются растормошить Константина. И он наконец сдается и соглашается поведать свою печальную историю посещения культурного заведения. А что же там произошло экстраординарного, что так расстроило обычно невозмутимого Костю?

...Сначала все шло чинно, благородно. Наш посетитель с интересом переходил от экспоната к экспонату. Ишь ты, битые черепки, а какие они, оказывается ценные. Древние потому что. Ух ты, а какой макет корабля! И все в нем, как на настоящем судне, все детали с подробностями. Только махонькие.

Так постепенно дядя Костя добрался до зала, где была выставлена современная сельскохозяйственная техника. Ба! Да это ж все нам до боли знакомо, возликовал наш сельский житель, или «деревенщина», как его окрестила кондукторша в троллейбусе. А на таком вот тракторе пашет в поле шурин Анатолий! Эх, жаль, что его сейчас нет здесь. Вот бы порадовался, что его орудие производства установили на почетном месте в музее. На постаменте. Прямо как памятник. Дядя Костя обошел трактор кругом, похлопал его панибратски по плечу (и куда только смотрела в этот момент надзирательница?). И так радостно стало Константину, что такой родной, такой скромный работяга-тракторишко удостоился чести стать экспонатом в солидном музее, что от избытка чувств дядя ткнул его этак по-дружески кулаком в бок. А силушкой-то, как уже всем понятно, нашего Микулу Селяниновича бог не обидел. А может, трактор был не настоящий, а тоже макет – в натуральную величину. Но только завалился с позором наш железный конь с железным же грохотом на бок. Лишь гусеницами дрыгнул напоследок. Вот тут-то надзирательницы, то бишь смотрительницы, и слетелись на шум, как ястребы! Что тут началось! Не описать словами! Да и надо ли? Достаточно вспомнить Аркадия Райкина: «В греческом зале, в греческом зале! Здесьанхамон, Здесьанхамон!» И этим

все сказано. Наш дядя Костя, даром что мужик внушительных габаритов, выглядел в тот момент, надо думать, довольно бледно. Но пытался оправдываться:

– Я ж не нарочно! Кто ж знал, что он такой хлипкий?

– Знамо дело, не нарочно. Сила есть – ума не надо! Хулиган! В милицию! – И т. д., и т. п. Далее по тексту (см. выше). Ну это мы уже проходили, это уже неинтересно...

Так бесславно закончился культпоход дяди Кости в краеведческий музей.

Вот такой он был, наш дядя Костя. Эх, нет на него Василия Макаровича Шукшина! Уж он-то смог бы описать этого «чудика» во всех красках.

...Дядя Костя, человек крепкого здоровья, никогда не болел. Желудок? А это где? Сердце? Чаго-о-о? Отойди со своими вопросами, не отвлекай от строительного дела, а то ненароком зашибу. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Приезжает как-то к нам в гости тетя Сима. И, смеясь, рассказывает такой случай со своим мужем. Однажды разболелся у дяди Кости зуб. Ну хоть на стенку лезь! И отправился мужик в районную стоматологическую поликлинику – удалять больной орган. Да-да, врачи говорят, что зуб – это тоже орган тела, хоть и маленький. Маленький-то маленький, а хлопот с ним немерено.

Пришел. Вдоль всего коридора сидят такие же страдальцы, как он, Костя. В основном бабульки. Сел и он рядом с ними.

– Следующий! – вызывает врач.

А следующий идти ужас как боится. Ну наш бесстрашный Константин и вызвался вне очереди. Бабульки прислушиваются: что там, за дверьми творится, когда же начнутся вопли. Но все на удивление тихо и спокойно.

Выходит Костя, держась за щеку.

– Ну как? – сочувствующе спрашивают бабки.

– Нормально, – шамкает сквозь ватные тампоны Костя.

– Замораживали?

– Не-а!

– Да как же ты, милый, вытерпел? Это ж от боли усикаться можно!

– А я свои причиндалы в горсть сгрёб, все под себя, придавил к креслу потуже – и ничего-о! Сдюжил.

Бабульки смущенно хихикают. А одна, что боевее, говорит:

– Ну а нам-то чего ж делать? У нас-то таких причиндалов нету...

– Пришшепки с собой носить надо! – сказал, как припечатал, дядя Костя, покидая юдоль человеческих страданий. А старушки потупились в раздумьях...

...Да, здоров был дядя Костя! Думали, что ему и сносу не будет. Но, как говаривал один наш знакомый, смерть причину найдет... Дело было зимой, в январе. Возвращался дядя Костя с работы. И вызвался его подвезти до дома один знакомый на грузовике. Кто бы отказался? И дядя Костя согласился. Тем более, что принял на грудь с друзьями после трудового дня. Ноги нетвердые, а идти далеко. Эх, знали бы они оба, горемычные, что уготовила им судьба-злодейка, так отскочили бы друг от друга на версту! Ведь пассажиру было суждено в тот вечер принять смерть от этого самого грузовика, а водителю – выдержать нескончаемые судебные мытарства. Хорошо еще, что в тюрьму не упекли. Хотя вдова дяди Кости – тетя Сима – прилагала к этому все старания. Никак не могла она смириться с тем, что ее ненаглядный Костенька в могиле, а «убивец» – на свободе. Да только кто его знает, была ли такая уж большая вина шофера в нелепой гибели дяди Кости.

...Уже затемно подъехали они к дому Константина. Он вышел из кабины, попрощался с приятелем. И как его угораздило оказаться позади машины? Что он там потерял? Ну да был он, как уже говорилось, сильно навеселе. Может, качнуло его в ту сторону? А шоферу зачем-то надо было подать назад. В темноте

он не заметил вышедшего пассажира, газанул... Машина начала как будто пробуксовывать. Водитель выскочил посмотреть, в чем там дело... Дядя Костя оказался прямо под колесами, но был еще живой и в сознании. Когда занесли его в дом, оказалось, что могучая его грудь сильно помята. Дышал он тяжело, в легких булькало. Говорил с трудом, натужно. Но главное сказать все же успел: «Простите, если кого обидел. Я не нарочно...»

Это мы и дома видали!

Если помните, Михаил Задорнов свой монолог о том, как мужик кирпичи воровал, начинает весьма романтично: «Смеркалось». Вот однажды и у нас на даче было все точно так же – смеркалось. Дневные дела были закончены. То есть не то чтобы совсем закончены. Как известно, закончить их (как и ремонт в квартире) в принципе нельзя, можно только остановить волевым решением. И оно было принято бригадиром нашего семейного звена – мамой: «Ну все, ребята! Хватит на сегодня, а то попадаем на этих грядках, будь они неладны! Давайте собираться ужинать». Мы с папой и с моей восьмилетней дочкой Светой с радостью подчинились этому мудрому распоряжению и побежали умываться, мыть ноги, переодеваться к ужину.

Что же ждало нас на ужин? А ждала нас каша пшенная, она же полевая, она же сливная, она же сливуха. «Как, и это все?!» – возможно, удивится кто-то. Ну а что бы вы хотели? Сказано же – смеркалось. Где взять продукты в такое время суток? На даче-то у нас гастронома нет. Продукты приходится привозить из города. До Машмета мы добираемся на одном автобусе, от Машмета до села – на другом, а еще два километра надо идти пешком. Мы же безлошадные, в отличие от большинства наших соседей. Вот и ходим нагруженные – мы с мамой сумками, папа – большим походным рюкзаком, а Света – маленьким рюкзачком, из которого весело выглядывает (ему же не идти!) верный друг детства – розовый мягкий медвежонок Тюпа. По правде сказать, это вовсе и не медвежонок, а мышонок – Микки Маус. Но его хозяйка теперь уже своим волевым решением назначила зверя медвежонком. Потому что похож. Ну а спорить с ней никто не стал. Себе дороже.

Вот таким маленьким дружным караваном движемся мы обычно из Таврова до нашей восемнадцатой улицы. Когда продукты заканчиваются, нужно опять отправляться за провизи-

ей в город. Или в Таврово, что тоже не сахар: идти-то пешком два километра хоть так, хоть этак, все равно придется. Нет, мы, конечно, не голодаем, но бывают дни, когда наше меню не отличается разнообразием. Вот и этот вечер обещал завершиться ужином под девизом: «Ешьте что дают». Правда, был, эх был все-таки у мамы запасец на завтра: под вечер наведалься к нам сосед по даче Владимир Иванович и принес гостинчик – дюжину яиц от своих кур. Владимир Иванович водил с папой дружбу, и поэтому нам иногда перепадали бесценные дары – то половина цыпленка, то что-нибудь особенное с их огорода, то яички, как в этот раз. Но мама (вот ведь расчетливый стратег!) планировала утром пожарить глазунью и напечь румяных оладушков. Поэтому сегодня решила обойтись кашей. Да если разобратся, ведь это и не плохо вовсе – каша. Во-первых, полезно. Даже врачи рекомендуют больше есть крупяных блюд: в них много микроэлементов. Во-вторых, наша мама варила такую сливуху! М-м-м! Она добавляла туда резаную картошку, жареный лук, сливочное масло и парочку яиц. Это было что-то! Ну просто пирожное какое-то, а не каша.

Ну так вот, мы, помытые и переодетые в чистое, с ощущением душевной и мышечной радости (слава тебе Господи – наконец-то разогнулись!) садимся в беседке, увитой виноградом, за стол. Мама приносит из кухни кастрюлю с духовитой дымящейся кашей и собирается раскладывать ее по мискам. Михаил Задорнов тут бы для торжественности вставил свой рефрен: «Смеркалось». Да, собственно, именно так все и было, против факта не попрешь – смеркалось. Люди после трудового дня сели трапезничать. Никого не трогали. Сами никуда не собирались и никого к себе не звали. На ночь-то глядя. И тут надо же! Бац! «Хозяева! Ау!» Все нервно переглянулись. Ну кого, кого принесла нелегкая?!

– Сейчас, сейчас открою, – мама, отвлекшись от кастрюли со сливухой, кинулась к калитке. – О, кто к нам приехал! Заходите, заходите!

Это, оказывается, нагрянули гости из родного поселка – мамина племянница (и соответственно, моя двоюродная сестра) Наталья с мужем Стасиком. А привез их на машине шофер Степан – житель того же поселка. Стасик у себя на работе был какой-то там начальничек, и поэтому в его распоряжении была легковушка с водителем.

– Да мы приезжали в Воронеж по делам и решили вот к вам заглянуть, – объясняет свой неожиданный визит Наталья. – Мы не собирались, а то б чего-нибудь привезли. А потом думаем, дай заедем. А у вас на одной квартире никого нет, на другой тоже. Ну, значит, на даче.

Надо сказать, что родственники были у нас частыми гостями. Приезжали кто с какой надобностью: кто в поликлинику, кто в магазины за товаром, кто на заочную сессию в институт. Да мало ли у людей дел в городе? И никто наш дом не минует. Но, надо отдать им должное, всегда приезжали не с пустыми руками. Куры, картошка, огурцы, помидоры – все, чем богата русская деревня, выкладывалось из мешков и сумок. И даже, что греха таить, самогончика иногда привозили. Было что поставить на стол, если даже у хозяев содержимое холодильника оставляло желать лучшего. Да и на зиму, благодаря щедрой родне, было что заготовить. Бывало, придешь с работы, ткнешься в санузел, а там полная ванна огурцов: отмокают, милые, перед закруткой. Значит, родственники приезжали. Ура! Значит, будем зимой с маринованными огурцами! Ура-то оно ура, но... Как говорится, это радость со слезами на глазах. Ночка предстоит трудовая...

Но вернемся к нашей каше. Мама рассаживает всех троих визитеров за столом, приносит тарелки с ложками. И начинает потчевать гостей:

– Поешьте с нами. Чем богаты, тем и рады.

Гости с недоумением взирают на стол:

– Стасик, Степан, чего глядите? Ешьте кашу! Хи-хи-хи, хи-хи-хи, – иронизирует Наталья. Смешно ей, видите ли, что у людей такая простонародная еда на столе. Наверно, она ожи-

дала увидеть икру красную и черную, рыбу благородных кровей, жареных рябчиков и ананасы в шампанском. Или что там еще едят городские, по представлениям сельских жителей?

Стасик, парень простой, молча, без комментариев жует сливуху. Чего нельзя сказать о его водителе. Тот высказывается с завидной прямоотой:

– Кашу?! Эт чё такое? Эт мы и дома видали!

Мама, не ожидавшая такого поворота событий, начинает растерянно оправдываться:

– А мы вот едим, и ничего. Извиняйте, больше ничего нет.

И тут неожиданно в разговор вступает моя восьмилетняя дочь Света:

– Бабушка! Как это – ничего нет? Ты что, забыла? А яйца? Те, что Владимир Иванович принес?

Мама, буквально остолбенев от таких слов, молча смотрит на внучку, хотя, надо думать нелицеприятные выражения так и просятся с маминого языка. Вот ведь поросенок! Ну просто Павлик Морозов, предатель какой-то! Это ж надо, так заложить бабушку!

Но делать нечего, и мама, отложив ложку в сторону, рысцой трусит на кухню.

– Ой, да я ж совсем запамятовала!

И вот миска с десятком дареных яиц воцаряется на середине стола. Но недолго, недолго ей было суждено там находиться! Не мудрствуя лукаво, шофер Степан подтаскивает ее к себе поближе. Берет яйцо, разбивает его о край миски и опрокидывает в рот. Причем без хлеба. Без каши. Без соли. Крякнул. Эх, хорошо пошло! Затем та же участь постигла второе яйцо. Еще лучше проскочило! Третье, четвертое... И так до конца, пока миска не опустела.

Мы, взрослые, смущенно потупили глаза в кашу, которую безропотно поглощали за неимением кулинарного выбора. А наша девочка Света при виде этого зрелища присмирела, оне-

мела и как-то впала в протрацию, что было для нее совсем не характерно. А все потому, что она с таким в своей жизни еще не сталкивалась и была морально не закаленной. В своей семье она подобного не видела. И рекламу «Моя семья», где маленькая героиня одним махом выпивает литровый пакет сока, тоже тогда еще не придумали. На ангельском личике нашей Светульки, казалось, остались только растопыренные не мигающие голубые глазенки, которые с ужасом взирали на дядю Степана: а не лопнет ли он часом?! И как тут не вспомнить, кроме упомянутой выше рекламы, известный рассказ Антона Павловича Чехова «Глупый француз», в котором один (русский) господин на глазах другого (французского) господина – клоуна из цирка – с огромной скоростью и в огромных количествах поглощал жирные блины с икрой! Цитирую: «Может быть, это мне снится? – изумился клоун, откидываясь на спинку стула. – Этот человек хочет умереть. Нельзя безнаказанно съесть такую массу. Да, да, он хочет умереть! Это видно по его грустному лицу». Но у того господина хоть лицо было грустное. А у нашего Степана – отнюдь нет. У нашего физиономия была вполне веселая, сытая и довольная.

Как только Степан управился с яйцами, гости засобирались домой:

– Ну мы поедem, а то уже темнеет.

Что правда, то правда. Смеркалось. Над крышей нашего домика всходила полная луна. Птички, мышки и соседские ребята наконец утомонились – спать легли. Да и мы тоже готовились отправиться на покой.

Дачную благословенную тишину нарушали лишь приглушенные всхлипы, доносившиеся из кухни: то плакала горячими янтарными слезами наша завтрашняя яичница-глазунья. А с нею – румяные золотистые оладушки.

Cocegu

Это коммунальная квартира...

Это коммунальная квартира,

Это коммунальная страна...

(из песни группы «Дюна»)

Наверно, в жизни каждого человека есть свои Покровские ворота, за которыми живет его детство и юность.

...Дом № 13 на Плехановской улице и сейчас цел, стоит там же. Иногда, оказываясь рядом, с трудом сдерживаю желание заглянуть во двор: а ну как открою калитку, переступлю порог и опять окажусь там, в шестидесятых, где по-прежнему живут мои друзья-подружки. Я-то переехала в другой район, а они-то остались. И кажется, что все так же досужие бабульки возле третьего подъезда окидывают оценивающими взглядами каждого человека, оказавшегося в их поле зрения. Папа называл их «букет». Не потому, что они так же благоухали, а потому, что сидели всегда кружком. Если посмотреть сверху, с балкона, то в своих цветастых платках они, и правда, отдаленно напоминали букет. Когда кто-то проходил мимо них, старушки дружно поворачивались в ту сторону, как подсолнух за дневным светилком. А потом, обмениваясь мнениями по поводу увиденного, соединяли свои мудрые головы в центре, как лепестки цветка после заката солнца.

...И кажется, что все так же мужички в моем родном дворе стучат в домино. Молодняк гомонит в беседке. А из открытого на пятом этаже окошка несется вечный голос Кобзона: «И опять во дворе нам пластинка поет...»

Да, наверняка все так и есть. Но я знаю, что мне туда дорога закрыта: чугунная дверь с кодовым замком надежно охраняет от меня мое прошлое. И я, как всегда, прохожу мимо...

Но память-то, моя память! Она, слава богу, пока еще при мне. Не подведет и не предаст. Изгородей не понаставит. И я смогу беспрепятственно пройти по этажам старого дома, навестить бывших соседей, друзей. Да и недругов заодно: куда ж от них денешься, они ведь тоже часть моей жизни.

С кого же начать? Пожалуй, с соседей по площадке на третьем этаже.

...С Мякишевыми мы жили на одной лестничной клетке. Тетя Маруся частенько заходила к моей маме то на чай, то занять денег, то поделиться сплетнями. Ну как без этого? Соседи же. Тетя Маруся была вдовой с двумя детьми. Старшему – Валику – было в те времена, наверно, лет двенадцать-тринадцать, а младшей – Надюшке – лет шесть. Их отца нам узнать не довелось: сразу после заселения в новую квартиру он умер. Это был первый гроб, который вынесли из нашего подъезда. Тетя Маруся погоревала-погоревала и стала жить дальше, альтернативы-то не было. Работала строителем, растила детей как могла. Без бабушек и нянек. Уходя утром на работу, призывала дочке:

– Надечка, смотри никому не открывай! А то мало ли кто будет стучаться!

И Надечка ее слушалась беспрекословно. Однажды, помню, ходил по квартирам электрик – проверял показания счетчиков. Моя мама, хоть и с опаской, впустила его на порог. Электрик, черноволосого, как жук, невысокого мужичка средних лет она немного знала: видела в домоуправлении. От нас тот направился в квартиру Мякишевых. Но не тут-то было! Позвонив в дверь и представившись, он услышал в ответ:

– Мама не велела никого пускать!

– Да я на минутку, только счетчик проверить.

– А я почему знаю, кто ты такой?

– Я ваш электрик, вот и соседка ваша может подтвердить. – Мама, еще не успевшая закрыть свою дверь и наблюдавшая эту сцену, закивала в знак согласия. Но Надечка – этот нежный

цветочек жизни, беленькая, воздушная, как перышко, девочка с косичками – пробросила из-за двери, возвысив голос:

– А ну мотай отсюда, пока рожа не в крови!

Аргументов против такого недвусмысленного обещания у скромного управдомовского служащего, не имевшего криминального прошлого, не нашлось.

Ай да Надюшка! Сумела за себя постоять! Сказалась выучка старшего брата Валика. От него-то сестричка и набралась острых словечек.

А Валик, надо сказать, был парень неплохой. Однажды он выручил нас, причем с риском для жизни.

...Дело было на майские праздники. Мама накануне уехала в санаторий – поправляла здоровье. Мы оставались с папой вдвоем. Прямо под нашей квартирой находилась квартира Валентины Константиновны Довгер. Наши семьи дружили (кстати, за ее племянника я позже вышла замуж). Вот и в этот раз тетя Валя позвонила по телефону:

– Анечка, спускайтесь к нам. У нас тут гости собрались, отметим праздник.

Папа ушел к соседям чуть раньше меня. Я минут надесять задержалась. Потом вышла, захлопнула дверь и – вприпрыжку по лестнице вниз. Когда пришла к тете Вале, догадалась спросить у папы:

– А ты ключ от квартиры взял?

– Нет, я думал, ты возьмешь...

Что тут скажешь? Была бы мама дома, такого бы наверняка не случилось, она бы сто раз перепроверила. Но что же делать? Все всполошились, побежали на этаж выше, столпились около нашей двери. Стали пробовать разные ключи – ни один не подходит! Это даже как-то странно. Однажды папа в темноте (лампочки не горели ни на втором, ни на третьем этаже) открыл своим ключом дверь нашей ближайшей (через стенку) соседки Азы и вошел в коридор. Слава богу, хоть и в полутьме, но все-

таки заметил, что в прихожей чужие вещи, и расположение комнат не такое, как у нас. Обомлев от мысли, что Аза его увидит и как-нибудь не так поймет, на цыпочках вышел потихоньку и осторожно закрыл дверь. Хорошо, что соседка не заметила: телевизор работал. А то было бы крику! С ее-то цыганским характером...

Но это было отступление. А тем временем мы по-прежнему топчемся у порога нашей квартиры – обсуждаем, что делать дальше. На гомон стали собираться соседи со всего подъезда. Ключей прибавилось, а толку – увы! – нет. Жаль, Азы в это время почему-то не оказалось дома: уж ее-то ключ точно должен был подойти. Кто-то предлагает вышибить злополучную дверь. Запоры-то в те времена были хлипкие – так, от честных людей. А если бы какому-нибудь воришке вздумалось проникнуть в квартиру, то ключ в отсутствие хозяев всегда был к его услугам – под ковриком.

Но вышибать дверь все-таки не пришлось: Валик Мякишев вызвался открыть ее изнутри. Как? А вот так: залез по водосточной трубе на наш балкон, вошел в квартиру и – о счастье! – с торжествующим видом распахнул дверь. Все одобрительно и удовлетворенно загудели. А сосед сверху, дядя Петя Побегайцев, восхищенно крутя головой, даже сказал:

– Ишь ты, какой ловкий!

Взялся за дверную ручку:

– И как это она так у вас закрылась?

И, как бы проводя следственный эксперимент, раз! – и на глазах у изумленной публики захлопнул дверь! Никто и глазом моргнуть не успел. Зато все дружно ахнули... И Валик – вот ведь герой! – полез по трубе еще раз. Но теперь уже дядю Петю от двери оттеснили, и я мышью шмыгнула в квартиру – за ключами.

А эти Побегайцевы, надо сказать, были люди интеллигентные. У них посреди комнаты стоял рояль. Может, даже беккеровский, кто ж его знает. Правда, использовался он не всегда

по назначению. Как-то принялись эти соседи сверху заливать нашу квартиру. Заметив на потолке в кухне расплывающееся мокрое пятно, мама срочно командировала папу на четвертый этаж на переговоры. Открыл дверь все тот же чудаковатый дядя Петя. В руках у него были гвозди и молоток. А это он, как выяснилось, на крышке рояля гнутые гвозди выпрямлял. Да так увлекся, что забыл, что у него на кухне кран открыт. А раковина забилась, и вот... Но ничего, бывает. Дядю Петю этот факт не очень огорчил. Что же касается рояля, то иногда (обычно ближе к ночи) он, все-таки дождавшись своего часа, оглашал окрестности звуками собачьего вальса: это три хозяйские дочки музицировали, играя в шесть рук.

...На пятом этаже жили Карповы. Отец – рыжий коренастый пузанок без признаков какого-либо интеллекта на круглом конопатом лице – был милиционером. Мать – домохозяйкой. С их сыном Сергеем – таким же рыжим и конопатым, как его отец, пацаном – я училась в одном классе. Серега, в отличие от папаши, не защищал закон и порядок, а напротив, всячески их нарушал. Хулиган и двоечник был отъявленный! Родителей его без конца вызывали в школу – то к классному руководителю, то к директору. То на заседание родительского комитета, куда входила и моя мама. Вот возвращается она как-то после такого воспитательного мероприятия. Хохочет! Спрашиваем ее:

– Что это ты?

– Да, – говорит, – сегодня «разбирали» Сережку Карпова, ругали за плохое поведение. В присутствии родителя. А старший Карпов тоже взялся сына стыдить. Да как! Говорит: «Сережка, Сережка! Да чё ж ты, сынок, делаешь? Ты ж у нас парень видный. А весть себе правильно не умеешь». Я чуть со стула не упала. Уж видный так видный, весь в батю!

Была у Карповых еще и дочка, постарше Сережки. Тоже красотой не блистала. Горбоносенькая, косолапенькая, ножки, ручки и губки тонюсенькие. Но замуж успешно вышла и в положенный срок без промедления родила такую же страшенькую девчонку Танюшку, в которой вся родня души не чаяла.

И вот сравнялся Танюшке год. Ох и гульба была у Карповых по такому случаю! Гостей назвали полный дом. День-деньской пили, ели, пели да плясали. Так дня им показалось мало, они и вечером не утомнились. Ночь-полночь, а пляски не прекращаются. Весь подъезд содрогается, но все соседи молчат, терпят. Только Побегайцевы не выдержали: ведь это ж у них над головой все непосредственно происходило. И решили они открыто выразить свой протест – взяли швабру и давай стучать у себя по потолку, который для Карповых был полом. Да какое там! У тех своего стуку хватает, никто и заметил этого демарша. Тогда дядя Петя, подстрекаемый тетей Марой (Мара – так он любовно называл свою жену Марию), взял молоток и полез на чердак, чтобы стучать теперь уже оттуда и теперь уже Карповым в потолок. И это был правильный ход. Потому что он был замечен неугомонными плясунами, так как за шиворот им стала сыпаться штукатурка. Хозяева с гостями выскочили на лестничную клетку, чтобы взглянуть, что там – снаружи и наверху – происходит. И увидели в открытом люке чердака дядю Петю с молотком в руке (кажется, он с этим инструментом никогда не расставался). Побегайцев с победоносным видом выглядывал из чердачного лаза, как кукушка из часов с боем. Возмущению Карповых не было предела. Больше всех поведение соседа потрясло Сережку:

– Ну что ж вы за люди такие?! Танюшке год исполнился, вы понимаете? – Сережка племянницу обожал, и поэтому дяди Петины действия повергли его в изумление. – Танюшке сегодня год исполнился! – чуть не навзрыд от избытка чувств повторял Серега. Парень искренне не понимал, как такое событие может оставлять кого-то равнодушным.

– А нам спать когда-то надо? Завтра на работу рано вставать, а вы все скачете, как лошади на ипподроме.

– На кладбище выпишьясь, сморчок старый!

– Чего?! Да я тебя щас как огрею молотком, щенок рыжий!

Тут Сережка, который привык с детства совсем к другим эпитетам, набычился, напряжился весь и полез было на чердак, чтобы поквитаться с оскорбителем, но вдруг остановился и дал задний ход, потому как придумал месть покруче: взял да и убрал лестницу. И загащил ее в свою квартиру. Для надежности. И дверь за собой захлопнул. А Побегайцев остался куковать на чердаке, оправдывая приведенное выше сравнение. Век бы ему там оставаться, но верная супруга Мара взвыла голосом милицейской сирены и стала молотить кулаками в дверь Карповых:

– Верните лестницу! Я сейчас милицию вызову!

Дверь приоткрылась, и показался Карпов-старший:

– Зачем вызывать? Я уже тут! Гы-гы-гы!

– Смотрите, он еще и издевается!

А дядя Петя вспомнил о своем любимом трудовом инструменте и снова начал колотить им в потолок Карповых.

Тут опять выскочил Сережка, и переговоры на высшем – точнее, на верхнем – уровне возобновились. Но поняв, что догулять до утра им все равно спокойно не дадут, а пленника отпускать все же когда-то придется, парень вернул лестницу на место. И все водворились на свои места. Слава богу, на этот раз обошлось без кровопролития.

Но кровь в нашем подъезде все-таки пролилась. Правда, это случилось уже в другой квартире – на нашем, третьем этаже. А она была коммунальная в полном смысле слова – на двух хозяев. В одной комнате жила продавщица Нинка, а в другой – Колька. Не знаю, где он работал. Но, видно, место было не слишком денежное, потому что он частенько забегал к моей маме занять рубль или трешку. Пятерку мама ему не одалживала, так как он подолгу не возвращал, а то и не отдавал вовсе. Так вот Нинка с Колькой не были добрыми соседями, а, напротив, люто и непримиримо враждовали. Иной раз и драки между ними случались. А однажды Колька схватил Нинку в охапку и

повалил на кровать. С какими намерениями? Может, с хорошими, а может, придушить хотел. Теперь уж и не помню точно. И не у кого уже узнать подробности. Но сам факт был точно. Повалил-таки Колька Нинку на постель. А она как-то вывернулась и двинула ему ногой со всей силы в морду. Да, она так и сказала – «в наглуую морду». И выбила ему глаз. Напрочь. Вот как женщина за свою честь боролась! И ведь победила. Были потом суды, но орган зрения-то не вернешь. И стал Колька ходить с черной повязкой наперевес. А Нинка стала ходить еще более гордая, чем раньше. Такая вот получилась история.

...Наш подъезд был угловым, и поэтому, например, с нашего балкона можно было почти заглянуть в окно соседней квартиры. А уж, что творится под этой квартирой – этажом ниже, – было видно как из боковой ложи театра. Нельзя сказать, что мы (я и мои родители) были такими уж любопытными. У каждого было своих дел невпроворот: я училась в школе, папа руководил областной молодежной газетой, а потом телевидением, мама день-деньской хлопотала по дому – обеспечивала уют. Но однажды мои родители стали невольными свидетелями такой сцены. Вышли они как-то вечером на балкон подышать свежим воздухом. Уже стемнело, и в окнах горел свет. Ну вот почему некоторые люди не имеют привычки задергивать ночные шторы? Тем более, когда занимаются интимными делами. Одним словом, глянули родители вниз и немного вбок, а там... Не буду описывать подробности любовного соития, я при этом не присутствовала и узнала уже значительно позже со слов мамы. Постель в комнате молодых – Кости и Капы – была видна как на ладони. Но важно не то, что там происходило. Важно – с кем. Вместо Кости со снохой миловался его отец, стало быть, свекор Капы. Перепутать отца с сыном было трудно. Костя – невысокий, худенький, чернявый и довольно невзрачный паренек, а его отец, известный в городе профессор медицины (назовем его Великанов), – довольно крупный, плотный, седовласый, интересный мужчина в самом расцвете сил.

– Миша, Миша! Не смотри, отвернись! – зажмурившись, в ужасе взмолилась мама, воспитанная в скромности и целомудрии. А скажите, как ей и двум ее сестрам не быть целомудренными, если бабуня, каждый раз, провожая девчат в клуб, так напутствовала их:

– Смотрите там, без глупостей! А то голову оторву и собакам брошу!

Но папа и сам не намерен был стоять со свечкой у постели этих грешников. Озадаченно хмыкнул и пошел в комнату спать.

– Да ты что, не знала? – просвещала маму на другой день тетя Маруся. – У молодых и сынок от старого Великанова. Сноха ведь у него в госпитале медсестрой. А Костик – это так, для прикрытия.

– А как же старая Великанова? Она ничего не знает? Как же это они все вместе живут? – недоумевает мама.

– Ой, да все всё знают. Ты посмотри: старый со снохой всегда под ручку – и на работу, и на прогулку. Идут, смеются, он ее к себе прижимает. А старая вечно ходит одна. Как и ее сынок. У нас эту семейку тут все так и зовут – «снохачи».

Ну дела! Кто бы мог подумать! Да, снохачество, как пишут историки, было довольно распространено в дореволюционной России, особенно среди крестьян. Но в те времена для этого были причины: бесправное положение молодой женщины в чужой семье, где свекор был полновластным хозяином. Особенно, если сына (мужа снохи) забирали в рекруты, и сноха многие годы оставалась солдаткой. Снохачество тогда не поощрялось, но и не особенно осуждалось. Чаще просто вызывало презрительное отношение. То было в старые времена. Но какая же нужда в наши времена удерживает людей вместе, заставляя жить в Содоме, где перемешались рай и ад? Понять сложно. Ну да бог им судья.

...В соседнем подъезде жила еще одна примечательная семья. Многодетная. Мать этого семейства Полина была удостоена

звания «Мать-героиня». За то, что вырастила Родине нескольких мерзавцев всех мастей – алкоголиков, воров и проституток. Числом десять. Это немало. Так что награда вполне заслуженная.

Полина была разбитной бабенкой, которая верховодила во дворе. Командовала ребятишками и их мамашами на том основании, что у нее была справка, свидетельствующая, что она заслуженная мать Советского Союза. Собственные ее дети при этом бегали чумазые, полуголодные, полуодетые – в каком-то рванье с чужого плеча. Вечно дерущиеся, плюющиеся и матюкающиеся. Но всегда веселые и здоровые на радость матери.

Полина частенько присоединялась к «букету» бабулек. Она была довольно бойкой на язык, умела поддержать разговор. Однажды мне довелось издали услышать ее рассказ о швейной иголке, которая давным-давно по какому-то недоразумению вошла в ее белое тело и теперь бродит там как неприкаянная, не находя выхода.

– А вы знаете, что я могу умереть в один момент? У одной женщины так же было: иголка ходила-ходила у ей по жилам, а потом раз! – и воткнулась прямо в самую серицу! – заявляет Полина гордостью. Вот, мол, какая она, Полина, особенная: ни у кого иголки в организме нету, а у нее есть. И носит ее Полина в себе, как кашееву смерть. Если кто не догадался, «серица», в Полининой интерпретации, – это «сердце», готовое к роковой встрече с коварным портняжным инструментом.

В подходящих случаях мы нет-нет да и вспоминаем Полину:

– Ты смотри не бросай иголку где попало, а то войдет в тело и воткнется в самую серицу.

...Много лет прошло с той поры, как покинула я свой первый в Воронеже дом и двор, «где все близко и знакомо». Но воспоминания, вроде той иголки, то дремлют, то вдруг начинают бродить во мне, нанося легкие уколы в сердце. К счастью, не фатальные, а мягкие и сладостно-щемящие...

2017 г.

Литературно-художественное издание

Анна Михайловна Шишлянникова

ЧТОБЫ БЕССЛЕДНО НЕ ПРОПАСТЬ...

Верстка: М. В. Ткачук

Корректурa: С. Ю. Воронина

Подписано в печать 27 марта 2017.

Формат 60x84 1/16

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографической лаборатории
факультета журналистики ВГУ

Воронежский государственный университет
394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а